

Жорж Сименон

Мегрэ и ленивый вор

<http://book.zehinli.info>

I

Громкое дребезжание прямо над головой разбудило Мегрэ. Невольно отмахиваясь от этого шума, комиссар открыл глаза. Он осознал, что находится дома, в собственной постели, рядом с женой, которая, проснувшись раньше, лежит, затаившись, не осмеливаясь пошевелинуться.

Несколько секунд Мегрэ не мог понять, откуда слышится этот звук - назойливый, агрессивный, торопливый. Он не мог определить его происхождения. Такое случалось с ним только в зимние морозные ночи.

Ему казалось, что это звонит будильник, хотя с тех пор, как комиссар перестал быть холостяком, он не ставил часы на ночной столик. Ночью к нему приходили туманные воспоминания - уже даже не из ранней молодости, а из раннего детства: как он маленьким мальчиком прислуживал в соборе и должен был вставать очень рано, чтобы успеть к мессе. В церкви надо было быть к шести утра не только зимой, но и летом, весной, осенью. Почему же остались в нем и постоянно всплывали воспоминания лишь зимней темноты, резкого холода, окоченевших пальцев и хрустевшей под детскими ботинками тонкой корочки льда, когда он шел в храм?

Рука, протянутая в темноте, перевернула стакан, стоявший на ночном столике рядом с кроватью, и тогда госпожа Мегрэ включила лампочку над изголовьем.

Звонил телефон.

- Алло? Кто говорит?

Было четыре часа утра, точнее пять минут пятого, за окном царил тишина, какая обычно бывает в очень холодные зимние ночи.

- Это я, Фумель, господин комиссар...

- Кто?

Мегрэ не расслышал. Кто-то говорил так тихо, что казалось прикрывал рот платком:

- Фумель, из шестнадцатого...

Он говорил приглушенным голосом, как бы опасаясь, что его услышит посторонний.

После непродолжительного молчания - комиссару Мегрэ явно ничего не говорила эта фамилия - голос добавил:

- Аристид...

Аристид Фумель - ах, это он! Мегрэ, уже совершенно проснувшийся, наморщил лоб: какого черта инспектор Фумель из шестнадцатого комиссариата будит его в четыре часа утра?

И почему голос его звучит так таинственно?

- Не знаю, может быть, я не должен был звонить вам, господин комиссар... я уже сообщил моему непосредственному начальнику, комиссару полиции... Он приказал мне доложить прокурору, и минуту назад я говорил по телефону с дежурным вице-прокурором...

Госпожа Мегрэ уже встала, нащупала пальцами ног домашние туфли и, закутанная в стеганый халат, направилась на кухню, откуда через минуту раздался звук зажженного газа, а потом шум наливаемой в чайник воды.

- Не знаю, что делать... Господин вице-прокурор велел мне вернуться на место и ждать его. Тело обнаружил не я, а двое полицейских - патруль на велосипедах...

- Где?

- Слушаю.

- Я спрашиваю: где?

- В Булонском лесу... Рю-де-Пото... Вы знаете, где это? Эта дорога ведет на аллеи Фонтюнэ, неподалеку от Порт-Дофин... Мужчина... среднего возраста... Примерно моего... Насколько я понял, в карманах ничего нет, никаких документов... Тела я, конечно, не трогал... Не знаю почему, но мне кажется, что здесь что-то не так... И поэтому я позволил себе позвонить вам, господин комиссар... Хотелось бы только, чтобы в прокуратуре не знали, что это я вам звонил...

- Благодарю тебя, Фумель.

- Я тотчас же возвращаюсь туда... Они могут появиться с минуты на минуту...

- Где ты сейчас?

- В комиссариате на улице Фезанди. Вы приедете? Сейчас?

Мегрэ с минуту колебался, все еще не в силах расстаться с теплой постелью.

- Посмотрю.

- Не понял?

- Еще не знаю. Посмотрю.

Он чувствовал себя униженным, разъяренным - и не в первый раз. Так происходит уже полгода. Бедняга Фумель в этом несколько не виноват.

Госпожа Мегрэ, стоя в дверях, уже напоминала ему:

- Оденься потеплее!

На стеклах, после того как раздвинули занавески, появились цветы из инея. Вокруг фонарей возникли ореолы, которые появляются лишь при очень низкой температуре. На бульваре Ришар-Ленуар царил полная тишина, не было ни души, только в одном-единственном окне, в доме напротив, может быть в комнате больного, светилась лампа.

Теперь им хорошо придется поломать голову, прежде чем... „Им" - это тем лицам из прокуратуры, из министерства внутренних дел, сторонников новой концепции, обладателям дипломов известных университетов... Они решили реорганизовать весь мир по образу своих прозаических идей. Для них полиция - только лишь орудие, служащее Справедливости с большой буквы. Они считают, что по отношению к полиции следует придерживаться принципа: не спускать с нее глаз, не слишком доверять, ограничивать поле деятельности, отводить вспомогательную роль - и на этом конец!

Фумель принадлежит к еще старой гвардии, так же, как и Жанвье, как Люка, как человек двадцать старых работников Мегрэ, - все остальные приспособились к новым инструкциям и не думают ни о чем, кроме экзаменов, которые обеспечат им быстрое продвижение по службе.

Бедный Фумель! Он никогда не получит повышения. Справиться с самыми простыми правилами орфографии, не говоря уже о том, чтобы отредактировать рапорт, - выше его сил.

Прокурор требует, чтобы его уведомляли первым: он первым должен быть на месте преступления, а вместе с ним прибудет судебный следователь - оба полусонные, и оба эти господина будут высказываться с таким апломбом, как будто всю жизнь не делали ничего иного, как отыскивали трупы в совершенно неожиданных местах, а преступный мир знали, как собственный карман.

Полиция же... Ну что ж, полиция пусть исполняет приказания: сделать то и то... Задержать того-то и того-то... Привести его в мой кабинет...

А прежде всего не задавать никаких вопросов... Только те, что требуются по уставу!

Да, ничего более важного, чем устав, предписания... А этих предписаний столько! В официальных документах они часто противоречат одно другому, так что эти господа сами в них путаются и живут в постоянном страхе, чтобы не совершить какой-либо ошибки, которая позднее, во время судебного разбирательства, будет обнаружена защитником обвиняемых.

Мегрэ одевался, все еще злой и надутый. Почему человеку, разбуженному внезапно зимней ночью кажется, что кофе имеет какой-то странный металлический привкус? Даже запах в квартире какой-то иной и напоминает родительский дом во времена детства, где Мегрэ еще маленьким мальчиком должен был вставать в половине шестого утра, чтобы успеть к утренней мессе.

- Позвонишь на набережную Орфевр, чтобы прислали машину?

Но ведь он едет туда не по официальному вызову... Нет, лучше вызвать по телефону такси...

Никто наверняка ему деньги не отдаст, разве что - если это действительно преступление - он очень быстро найдет преступника. Деньги, потраченные на такси, возвращают только в случае успешного окончания дела. И даже тогда надо еще доказать, что не было иного вида транспорта.

Жена подала ему еще теплый вязаный шарф.

- Перчатки взял?

Он порылся в карманах пальто.

- Может быть, ты все-таки что-нибудь съешь?

Нет, он не был голоден. Мегрэ выглядел так, как будто его обидели, а ведь в глубине души он больше всего любил как раз такие минуты, как эта, и, быть может, ему будет их не хватать именно тогда, когда он уйдет на пенсию.

Перед домом уже стояло такси, и за ним клубились выхлопные газы.

- В Булонский лес... Вы знаете, где Рю-де-Пото?

- Как не знать? Мне бы плохо пришлось, если бы после тридцати пяти лет работы я не знал города...

Да, старые люди гордятся своим опытом.

На Елисейских полях изредка появлялись первые автобусы или мелькали частные автомобили. Некоторые окна были освещены: это уборщицы в конторах начали работу. Бары и кафе были еще закрыты.

- Опять где-нибудь девушку прихлопнули?

- Не знаю...

- Сомневаюсь, чтобы какая-нибудь из них нашла клиента в Булонском лесу в такой мороз.

И у трубки сегодня был какой-то иной, чем обычно, вкус. Согревая руки дыханием, Мегрэ раздумывал, как давно он не видел Фумеля. Подсчитал, что, пожалуй, больше трех месяцев. А знакомы они... Сколько? Наверное, с того времени, когда он сам начал работать в полиции, в районном комиссариате.

Фумель еще тогда, в молодости, производил впечатление жуткого уroda; одни его жалели, другие смеялись над ним, прежде всего потому, что его родителям неизвестно почему пришло в

голову дать ему выпреннее имя - Аристид, и потому, что Фумель, несмотря на свою малопривлекательную внешность, не вылезал из любовных историй и сердечных драм.

Женился он рано, но жена через год бросила его. Уехала, не оставив адреса. Он перевернул все вверх дном, чтобы найти ее. Годами следил за тем, чтобы ее приметы находились в кармане у всех полицейских и жандармов Франции, и каждый раз, когда он узнавал, что в Сене найден труп женщины, бежал в морг в страхе, что узнает любимую супругу.

Вокруг этой верной любви создавались легенды.

„Не могу избавиться от мысли, что с ней случилось какое-то несчастье.

Люди будут говорить, что по моей вине...”

Один глаз у Фумеля был более светлый, чем другой, и это производило впечатление, что он косоглазый.

- Пока жив, не разлюблю ее, - уверял он. - Я уверен, что найду ее когда-нибудь... - И он все еще не терял надежды, хотя ему было уже за пятьдесят. Эта большая любовь не мешала ему, однако, терять время от времени голову из-за какой-нибудь другой женщины, но судьба ожесточилась против него, и каждая из этих мимолетных связей тянула за собой какие-то непредвиденные сложности. Видимо, он был обречен на роль несчастного любовника.

Этих любовных историй в его жизни было так много, что даже возникло подозрение, что он занимается женщинами как-то профессионально. Его чуть не выгнали из полиции!

Такси миновало Порт-Дофин, повернуло направо и въехало в Булонский лес. Издалека было видно мигание карманного фонарика. Дальше, на краю аллеи, двигались человеческие тени.

Мегрэ вышел из такси и расплатился с шофером. Одна из теней приблизилась к нему.

- Хорошо, что вы уже приехали, господин комиссар... - прошептал Фумель, притоптывая, чтобы согреться. - Их еще нет.

Два велосипеда были прислонены к дереву, двое полицейских в коротких пелеринках тоже топтали ногами по обледеневшей земле; стоявший рядом с ними невысокий мужчина в серой шляпе время от времени поглядывал на часы, не скрывая нетерпения.

- Разрешите вам представиться: доктор Буарон, - сказал он.

Мегрэ рассеянно пожал ему руку, поскольку его внимание привлек темный силуэт, лежавший под деревом. Фумель направил на него свет карманного фонаря.

- Может быть, господин комиссар, - начал он, - вы не будете сердиться, что я вытащил вас сюда... Мне кажется, что это дело какое-то необычное... Здесь что-то необъяснимое.

- Кто первый обнаружил тело?

- Два полицейских - велосипедный патруль. Они ночью осматривали территорию.

- В котором часу?

- Около половины четвертого... В первый момент они подумали, что под деревом валяется какой-то мешок...

На траве, покрытой инеем и жесткой от мороза, лежало тело. Оно было почти свернуто в клубок, и только одна рука со стиснутой ладонью торчала наружу, словно покойный хотел что-то схватить.

- Причина смерти, наверное, еще не установлена? - обратился Мегрэ к врачу.

- Я не осмелился прикоснуться к телу до прибытия властей, но, насколько можно судить по внешнему виду, череп проломлен в результате одного или нескольких сильных ударов, нанесенных каким-то тяжелым предметом.

- Череп проломлен тяжелым предметом... - повторил Мегрэ, как бы желая закрепить в памяти слова врача.

Он наклонился и при свете карманного фонаря стал рассматривать лицо, настолько изуродованное, что нельзя было различить его черт. Это была сплошная кровавая масса.

- Не могу утверждать с полной уверенностью до вскрытия, но подозреваю, что удары наносились тогда, когда этот человек был уже мертв или по крайней мере находился в агонии.

Фумель, едва различимый в темноте, вмешался:

- Теперь вы понимаете, почему я вытащил вас из постели, шеф?

На жертве был хороший костюм, не слишком элегантный, а такой, какие носят, к примеру, чиновники или хорошо обеспеченные пенсионеры.

- Говоришь, в карманах ничего нет?

- Я осторожно посмотрел, но пальцами ничего не нащупал... Осмотрите все вокруг, господин комиссар.

И Фумель провел светом фонарика круг над головой лежащего. Нигде не было видно следов крови.

- Его убили не здесь. Доктор того же мнения. С такими ранами он должен был потерять много крови. Привезли его сюда скорее всего на машине. Судя по положению, в котором он находится, можно предположить, что доставившие сюда труп просто выбросили его из багажника.

Булонский лес стоял неподвижный, застывший, как театральная декорация, и только далеко за деревьями поблескивали молочным светом уличные фонари.

- Внимание!.. Кажется, они едут...

Со стороны Порт-Дофин действительно приближался длинный черный автомобиль, и Фумель побежал ему навстречу, посвечивая себе фонариком.

Мегрэ, попыхивая трубкой, стоял в стороне.

- Это здесь, господин прокурор... Районный комиссар пошел позвонить, чтобы вызвать карету „скорой помощи“, сейчас он вернется...

В мужчине, вышедшем из машины, Мегрэ узнал вице-прокурора Кернавеля.

Это был человек лет тридцати, высокий, худой, элегантный.

Того, второго, который вышел из машины, Мегрэ тоже знал, хотя работал с ним редко. Это был судебный следователь Кажу, человек лет сорока. Он всегда старался лавировать между старыми и новыми предписаниями, так, чтобы ни с кем не ссориться. Третий из приехавших, протоколист, отошел в сторону, чтобы держаться как можно дальше от трупа, как бы опасаясь, что один вид его вызовет у него рвоту.

- Кто?.. - начал вице-прокурор, а когда заметил Мегрэ, наморщил брови и добавил:

- Извините. Я вас не заметил. Как произошло, что вы оказались тут раньше нас?

Мегрэ сделал неопределенный жест и ответил еще более туманно:

- Это случайность...

Вице-прокурор Кернавель, не скрывая недовольства, решил беседовать исключительно с Фумелем.

- Что именно здесь происходит?

- Двое полицейских, патрулировавших этот район на велосипедах, примерно час назад заметили лежащее под деревом тело. Я сообщил комиссару полиции, а он приказал мне позвонить прокурору. Потом я позвонил доктору Буарону... Вице-прокурор поискал глазами врача.

- Что вы установили, доктор?

- На первый взгляд разmozжен череп, возможны многочисленные переломы в других местах, лицо совершенно изуродовано...

- Дорожное происшествие? Быть может, его сбила машина? Как вы думаете?
- Он получил несколько ударов сначала по голове, потом в лицо каким-то тупым предметом.
- Вы уверены, что это убийство?

Мегрэ мог только сохранять молчание, предоставив делам идти своим чередом. Он не подошел даже на шаг.

- Не выиграем ли мы время, вызвав специалистов из отдела по установлению личности?

Вице-прокурор обращался исключительно к Фумелю.

- Пусть кто-нибудь из полицейских сходит к ближайшему телефону.

Нос у него покраснел от холода. Все, собравшиеся вокруг тела, промерзли до костей.

- Бродяга?

- Судя по одежде, не похоже, чтобы это мог быть бродяга. Кстати, в такие зимние ночи бродяге нечего искать в Булонском лесу.

- Ограблен?

- Насколько удалось установить, в карманах пусто.

- Возвращался домой и подвергся нападению?

- На земле не видно следов крови. Доктор предполагает, и я склоняюсь к тому же, что преступление совершено в другом месте, а потом тело привезли и бросили здесь.

- В таком случае, это личные счеты.

Вице-прокурор Кернавель произнес это категорическим тоном, не допускающим возражений, довольный, что ему так быстро удалось найти решение проблемы.

- Убийство могло быть совершено, например, на Монмартре, а убийцы, желая избавиться от тела, привезли его и бросили на обочине дороги.

И через секунду обратился к Мегрэ:

- Не думаю, господин комиссар, чтобы это дело могло вас заинтересовать. Вы, если не ошибаюсь, ведете сейчас другое расследование, пожалуй, более важное, чем это. Каковы ваши успехи, если говорить о том грабительском нападении на почтовое отделение в тринадцатом районе?

- Совершенно не продвинулось.

- А как с предыдущими нападениями? Сколько их было за последние две недели в Париже?

- Пять.

- Я тоже запомнил именно эту цифру. Поэтому был так удивлен, увидев вас здесь. Дело это мелкое и незначительное.

Уже не в первый раз Мегрэ слушал эту песню. Господа из прокуратуры были всерьез обеспокоены „возрастающей волной преступности“, как они это называли, особенно этими сенсационными ограблениями, которые так участились в последнее время.

Это свидетельствовало о появлении какой-то новой банды, как любит выражаться пресса.

- Все еще нет никаких следов?

- Никаких.

Это не совсем соответствовало истине. Если даже у Мегрэ и не было явных следов, то все-таки у него была своя собственная теория, которую он надеялся подтвердить фактами. Но его методы работы не касаются никого, а уж меньше всего прокуратуры.

- Пусть судебный следователь возьмет дело в свои руки. По моему мнению, его не надо придавать гласности. Это обычный случай: может быть, убийство с целью ограбления, может

быть, личные счеты в преступной среде, а если они станут убивать друг друга, то, даю слово, общественность от этого только выиграет. Вы меня понимаете?

Затем он обратился к Фумелю:

- Вы, инспектор, из шестнадцатого комиссариата? Фумель кивнул головой.

- Сколько лет вы работаете в полиции?

- Тридцать... Двадцать девять, точнее...

- Это хороший работник? - спросил вице-прокурор Мегрэ.

- Это человек, знающий свое ремесло.

Вице-прокурор стоял в стороне с судебным следователем и с минуту беседовал с ним вполголоса. Он подошел к Кажу, который казался озабоченным. Вице-прокурор старался говорить непринужденно.

- Так вот, господин комиссар, благодарим вас и просим прощения за то, что побеспокоили. Дальнейшие инструкции я буду передавать инспектору Фумелю. Если судебному следователю понадобится помощь, я пошлю вам соответствующие указания или вызову к себе. У вас есть слишком серьезное и слишком срочное задание, чтобы я мог вас задерживать далее.

Мегрэ поблел теперь уже не только от холода, а трубку в зубах сжал так крепко, что даже послышался легкий треск черного дерева.

- Как вы доберетесь до дома?

- Найду такси на Порт-Дофин.

Вице-прокурор заколебался, как бы намереваясь предложить, что отвезет Мегрэ, но тот уже уходил, махнув рукой Фумелю.

А ведь если бы ему дали полчаса времени, комиссар Мегрэ мог бы сказать об убитом многое. В первый момент у него еще не было уверенности, и только поэтому он ничего не произнес.

В тот момент, когда он наклонился над убитым, Мегрэ не мог избавиться от чувства, что этого человека он когда-то уже видел. Несмотря на то что лицо его было изуродовано, комиссар дал бы голову на отсечение, что знает, кто это.

Для полной уверенности ему не хватало только мелочи, которая обнаружилась бы, если жертву раздеть.

Правда, установить личность убитого можно было бы и по отпечаткам пальцев.

На стоянке оказалось то самое такси, которое его сюда привезло.

- Уже все?

- Еду домой. Бульвар Ришар-Ленуар.

На площади Республики был открыт какой-то маленький бар, и Мегрэ чуть было не остановил такси, так ему хотелось выпить что-нибудь подкрепляющее. Но он этого не сделал, ему было немного стыдно.

Жена опять легла в постель и заснула, так что она не слышала, как он вернулся. Проснувшись, она удивилась:

- Уже? - И через минуту с беспокойством спросила:

- Что случилось?

- Ничего. Этим господам я не потребовался. Он редко беседовал с женой о том, что происходило на набережной Орфевр.

- Ты что-нибудь ел?

- Нет.

- Сейчас приготовлю тебе завтрак. Ты должен быстро принять горячую ванну, чтобы согреться.

Ему не было холодно. Злость уступила место разочарованию.

Не он один это чувствовал. Сам директор управления уголовной полиции уже дважды пытался подать в отставку. В третий раз он не стал этого делать, поскольку знал, что заменить его некем.

Реорганизация, как говорили. Молодые люди, образованные, из лучших семей, внимательно изучали проблемы в тиши своих кабинетов, чтобы таким путем получить результаты. Из этого умствования, из этих ученых извращений возникали удивительные проекты, которые еженедельно превращались в новые циркуляры.

А новые предписания почти безоговорочно утверждали, что роль полиции должна быть не такой, как была до сих пор. Полиция должна быть инструментом аппарата правосудия. Она должна исполнять служебную роль, а не основную. Она должна быть исполнительным органом, А не головой.

Судебный следователь, не выходя из своего кабинета, прокурор, сидя за столом, должны вести следствие, отдавать распоряжения. Требовать рапорты и их исполнения. Ловкачи!

И что хуже всего, они желают отдавать распоряжения своим новым подчиненным - не тем проверенным, опытным, которые собаку съели на этой работе, а тем, к кому у них больше доверия.

Зачем нужны им, не высывающим носа из-за своих бумаг, те, для кого университетом была улица, которые хорошо знают, что происходит на железнодорожных вокзалах, в больших универмагах, знают каждую забегаловку и каждое кафе в своем районе, которые запанибрата, с уличными девицами, знают все о „ночных рыцарях“, умеют, если надо, поговорить с ними на их собственном воровском жаргоне? Что из того, что некоторые из старой гвардии, как Аристид Фумель, не в ладах с орфографией? Разве это самое важное?

Нет, самое важное для них - это дипломы, а ведь если бы надо было получить какие-то сведения в беседе один на один, Мегрэ знал, что может рассчитывать только на своих старых сотрудников.

Нет, его еще не просят уйти. Пока не просят. Они терпеливы. Они ведь знают, что еще два года - и он должен будет уйти на пенсию. Но все-таки, несомненно, наблюдают за ним украдкой: только бы он ошибся...

Мегрэ, сидя за завтраком, видел через окно, что в домах напротив одно за другим зажигаются окна. Он чувствовал себя словно оцепеневшим, как это обычно бывает, когда человека внезапно будят среди ночи.

- Фумель... Это тот косоглазый?

- Да.

- От которого жена убежала?

- Да.

- И он ее все еще не нашел?

- Кажется, она вышла замуж, живет в Южной Америке и имеет целую кучу детей.

- Он об этом знает?

- Зачем ему знать?

Придя на работу раньше, чем обычно, Мегрэ зажег настольную лампу с зеленым абажуром, хотя было уже светло. Протянул руку к телефонной трубке.

- Соедините меня с шестнадцатым комиссариатом полиции. Алло!

Попросите инспектора Фумеля! Занят?.. Пишет рапорт?

Опять эти бумаги, формуляр... И кому все это нужно? Только трата времени!

Через минуту позвонил Фумель. Разговаривал он точно так же, как и ночью, вполголоса, как бы опасаясь, что кто-то его услышит.

- Это я, шеф.

- Люди из отдела установления личности уже закончили работу?

- Да, они ушли час назад.

- Судебный врач был?

- Да. Тот, новый.

Судебный врач тоже был „новым“. Старый, доктор Поль, который в свои семьдесят шесть лет сам проводил вскрытия, недавно умер, и его место занял доктор Ламаль.

- Что он установил?

- То же самое, что и тот врач ночью. Этого типа убили где-то в другом месте. Нет сомнения, что он должен был потерять много крови. Последние удары, которыми раскроили лицо, были нанесены уже после смерти.

- Одежду с него сняли?

- Частично.

- Не заметили татуировку на правой руке?

- Откуда вы знаете, господин комиссар?

- Рыба?.. Что-то похожее на морского конька?

- Да.

- Отпечатки пальцев?

- Сейчас как раз проверяют по картотеке.

- Тело перевезено в прозекторскую?

- Да... Мне было очень неприятно, господин комиссар, вчера ночью... И теперь тоже... Но я не осмелился...

- Ты уже можешь написать в своем рапорте, что вне всякого сомнения жертву преступления зовут Оноре Кюэнде, родился в кантоне Во, в Швейцарии, пять лет служил в Иностранном легионе.

- Эта фамилия что-то мне говорит... Быть может, вы знаете его адрес?

- Нет. Но знаю, где живет его мать, если она еще жива. Я хотел бы поговорить с ней сам. И пораньше, чем другие.

- Они об этом узнают.

- Меня это не беспокоит. Запиши адрес, но не ходи к ней, пока я тебе не позвоню. Улица Муфтар. Номер дома не помню. Она живет на втором этаже над пекарней, почти на самом углу улицы Сен-Медар.

- Благодарю вас.

- Не за что. Ты останешься там?

- Должен писать этот проклятый рапорт. Это займет у меня часа два.

Итак, Мегрэ не ошибался! Это доставило ему чувство удовлетворения, далее полной радости, однако приправленной дозой меланхолии.

Прямо из своего кабинета он спустился вниз, в картотеку, в которой работали люди в серых кителях.

- Кто занимается отпечатками пальцев жертвы из Булонского леса?

- Я, господин комиссар.

- Нашел?
- Только что.
- Кюэнде?
- Да.
- Благодарю.

Оживленный, почти ошарашенный, Мегрэ, пройдя внутренними коридорами, оказался в здании Дворца правосудия.

В отделе установления личности он застал своего старого друга Моэrsa, углубившегося - его это тоже не обошло! - в какие-то бумаги. Никогда до этого не было такого количества бумаг, как в последние шесть месяцев.

Это и раньше было нужно, дело ясное, - делать что-то вроде административной работы, но в последнее время, как подсчитал Мегрэ, возня с бумагами занимала у полиции, в каждом отделе, восемьдесят процентов времени.

- Тебе принесли его одежду?
- Того приятеля из Булонского леса?
- Да.

Моэрс указал на своих сотрудников, которые как раз вытряхивали из двух больших бумажных мешков одежду убитого. Согласно шаблонному рутинному методу именно с этого начинались технические операции. Речь прежде всего шла о сборе всевозможной пыли и анализе ее: это часто давало ценные сведения например, чем занималась, какую профессию имела жертва, где она чаще всего бывала, и это даже могло привести на след, где, в каком месте было совершено преступление.

- В карманах?..
- Ничего не было. Ни часов, ни бумажника, ни ключей. Даже носового платка. Абсолютно ничего.

- Может быть, какие-то метки на белье или на одежде?
- Они не были ни оторваны, ни отпороты. Я записал фамилию портного.

Она нужна вам, господин комиссар?

- Сейчас нет. Личность этого человека уже установлена.

- Кто он такой?

- Мой старый знакомый. Некий Кюэнде.

- Преступник?

- Человек спокойный, даже очень спокойный, самый спокойный из всех известных мне взломщиков.

- Вы думаете, что это сделал кто-то из его сообщников?

- У Кюэнде не было никаких сообщников. Никогда.

- Почему же его прикончили? И кто?

- Именно это я и хотел бы узнать.

Здесь тоже, как в последнее время в большинстве учреждений Парижа, работали при искусственном свете. Сумрачно. Небо было свинцового цвета, а мостовая казалась покрытой слоем черного стекла. По тротуарам люди двигались быстро, держась ближе к стенам домов; из тротуаров их выходили облачки пара.

Мегрэ вернулся к своим инспекторам. Двое из них были заняты телефонными разговорами. Несколько других - писаниной. Они тоже!

- Ничего нового, Люка?

- По-прежнему идут поиски Фернана. Кто-то вроде бы видел его в Париже три недели назад, но это неточные сведения.

Фернан. Рецидивист. Десять лет назад этот Фернан, настоящее имя которого никогда не удавалось точно установить, был главарем шайки, которая в течение двух месяцев произвела свыше десяти дерзких вооруженных нападений.

Удалось арестовать всю банду, процесс шел почти два года. Гангстеры получили по несколько лет тюрьмы, один из них умер от туберкулеза, двое вышли по амнистии досрочно.

Мегрэ не напоминал об этом вице-прокурору, который был так взволнован „ростом преступности". У него была собственная концепция. Некоторые детали последних нападений позволяли ему считать, что к этому причастны члены старой шайки, которые наверняка создали какую-то новую банду.

Достаточно было задержать одного из них. И над этим люди комиссара Мегрэ работали уже почти три месяца, терпеливо занимаясь поисками следов.

Поиски привели к тому, что все внимание сосредоточилось на личности Фернана. Известно было, что он находится на свободе, но в течение месяцев не удалось напасть на его след.

- А его жена?

- Клянется, что давно не видела его. Соседи это подтверждают. Никто нигде не встречал Фернана - и это в районе, где он наверняка живет.

- Работайте, работайте, мои дорогие... Если кто-нибудь станет обо мне спрашивать... Скажем, позвонят из прокуратуры...

Мегрэ на минуту задумался.

- ...Скажите, что я спустился вниз, в кафе. В конце концов скажите, что хотите. Все, что угодно.

Ему сейчас надо побыть одному. Он хочет спокойно подумать. И пусть никто не мешает ему заниматься делом человека, которого он знал тридцать лет и с которым был почти дружен.

II

Редко когда комиссар Мегрэ говорил с кем-нибудь о своих профессиональных делах. Не верил он и в стройные теории, в которых улики связывались с подозрениями в компактное целое, так как по опыту знал, что ни одно дело не проходит гладко.

Лишь в обществе своего друга, доктора Пардона с улицы Попинкур, после общего обеда он выдавливал пару слов, которые можно было принять за откровенность.

Несколько недель назад Мегрэ до такой степени позволил втянуть себя в беседу, что дал выход своему ожесточению:

- Некоторые люди воображают, что мы только для того и существуем, чтобы хватать преступников и вытягивать из них признание. Это одно из наиболее ошибочных убеждений общественности, с которыми человек так осваивается, что ему даже и в голову не приходит сомневаться в них. А на самом деле наша роль заключается в том, чтобы охранять - прежде всего - государство, потом правительство, неважно, какое оно, это общественное достояние, и только потом уже - жизнь отдельных граждан.

Ты когда-нибудь дал себе труд прочесть Уголовный кодекс? Надо добраться до 177-й страницы, чтобы найти параграфы, касающиеся преступлений против частных лиц. Когда-нибудь, когда буду уже на пенсии, я проведу точный подсчет этого. На глаз можно сказать, что три четверти, если не четыре пятых Уголовного кодекса посвящены вопросам подвижности и недвижимости, фальшивым деньгам, выманыванию наследства и так далее...

Словом, всему тому, что относится к деньгам... До параграфа 294, гласящего о „нищенствовании в общественных местах“, за которым следует параграф 295, касающийся умышленного убийства.

Обед был превосходный, а вино „Сент-Эмилион“, с незабываемым букетом, попросту великолепное.

- В газетах пишут прежде всего об уголовной полиции потому, что ее работа дает больше всего сенсационного материала. А на самом деле для министерства внутренних дел мы имеем меньшее значение, чем, например, отделы общей информации или финансовый.

Мы играем примерно ту же роль, что и защитники по отношению к присяжным заседателям. Представляем лишь фасад, а настоящую, серьезную работу делают за кулисами специалисты по гражданскому праву.

Высказывался ли Мегрэ в подобном духе двадцать лет назад? Или хотя бы шестью месяцами раньше, до того, как наступили все эти организационные изменения, свидетелем которых он был?

И теперь он бурчал себе под нос, проходя по мосту Сен-Мишель, на котором сильный ветер с Сены заставлял прохожих нагибаться в одну сторону и под одинаковым углом. Воротник пальто комиссара был поднят.

Ему часто случалось говорить самому с собой, как бы брюзжа или ворча.

Но однажды он услышал, как Люка пояснял Жанвье, который только начинал тогда работать в его бригаде:

- Не стоит обращать на это внимания. Когда он что-то обдумывает, у него такое выражение, будто он в плохом настроении, но на самом деле это не так. Просто у него такая привычка.

Нет, комиссар Мегрэ совершенно не был в плохом настроении. Не чувствовал себя несчастным. Но что-то его постоянно беспокоило. Сейчас, например, его рассердило поведение вице-прокурора в Булонском лесу. Его взволновала бессмысленная смерть Кюэнде, которому изуродовали лицо уже тогда, когда он был мертв.

„Скажите, что я спустился вниз, в кафе...“

Единственное, что действительно интересует господ на высоких постах, так это нападения с целью грабежа. Они любой ценой хотят положить им конец, поскольку жертвой ограбления становятся банки страховые общества и сберегательные кассы; именно они несут материальные убытки. Кражи автомобилей также участились в последнее время. Слишком участились по их мнению.

А разве кассиров не следует лучше охранять? - размышлял Мегрэ. Разве это дело, что переноску крупных, миллионных сумм доверяют одному или в крайнем случае двум лицам, курсирующим постоянно по одному и тому же маршруту, доступному практически для каждого? Ну да, все иные способы влекут за собой расходы, А что касается автомобилей - разве следует оставлять их рядом с тротуаром, часто с незапертыми дверцами, а иногда даже с ключами в замке зажигания? Ведь автомобиль дорого стоит, иногда столько, сколько средней величины квартира в городе или загородная вилла.

Но как часто владельцы сами не следят за ценными предметами, становящимися легкой добычей для преступников!

А бумажник с крупной суммой денег? А бриллиантовое кольцо?

Кражи такого типа вообще-то не должны касаться комиссара Мегрэ. Это не его сфера. А впрочем, если полиция должна быть только орудием...

Несмотря на эти не лишённые горечи размышления, Мегрэ решил, не откладывая, отправиться на улицу Муфтар.

День был морозным, но движение в этом районе оставалось таким же, как и всегда; торговля на лотках, в палатках и в лавочках была очень оживленной.

В двух шагах от улицы Сен-Медар находилась пекарня, а над ней - окна мезонина. Дом был старый, узкий, с фасадом, выкрашенным в желтый цвет.

Из глубины двора доносился звук молота, ударявшего по наковальне.

Мегрэ поднялся по лестнице, снабженной шнуром вместо поручня, и через минуту постучал в дверь. За ней раздались тихие шаги.

- Это ты? - послышался голос и одновременно стукнул засов.

Старая женщина еще больше пополнила за это время. Плечи стали даже более узкими, лицо вытянулось, зато бедра разрослись до такой степени, что ей, должно быть, было трудно ходить.

Захваченная врасплох, она бросила на входящего Мегрэ полный беспокойства взгляд, который он хорошо знал, взгляд, характерный для людей, живущих в постоянном страхе.

- Ведь мы знакомы, правда?.. Вы сюда уже приходили... Минуточку...

- Комиссар Мегрэ, - буркнул он, входя в комнату.

В комнате было очень тепло и пахло чем-то вкусным: наверное, тушилось какое-то мясо, может быть, с овощами. Гуляш? Отварное мясо под соусом?

- Да, да узнаю... Припоминаю... Что у вас к нему... на этот раз?

В ее голосе не было враждебности, чувствовалась скорее покорность, фатальная покорность судьбе.

Она пододвинула Мегрэ стул. На кресле, обтянутом вытертой колесей, единственном в комнате, лежала маленькая с рыжей шерстью собачка, она оскалила острые зубки и глухо ворчала, а сидевший на подоконнике кот, белый с кофейными пятнами, едва соизволил приоткрыть зеленые глаза.

- Лежать, Тото!.. И тут же пояснила:

- Она любит ворчать, но не злая... Это собачка моего сына... Мне кажется, сама не знаю почему, но она становится похожей на меня...

Действительно, у собачки был небольшой лоб, острая мордочка, тоненькие ножки, но тело такое упитанное, толстое, что напоминало откормленного поросенка. Она, должно быть, уже очень стара. Зубы у нее были желтые, редко посаженные.

- Лет пятнадцать назад Оноре принес ее с улицы; две лапки у нее были сломаны, наверное, под машину попала... Оноре устроил ей из двух дощечек лубки, и через несколько месяцев эта бедная собачка - хотя соседи советовали сразу же усыпить ее - начала нормально ходить...

Комната была низкая, довольно темная, но поражающая чистотой. Она одновременно служила кухней и столовой, с круглым столом посередине, со старым буфетом у стены и с голландской плитой, такой, каких теперь почти нигде уже не встретишь.

Кюэнде наверняка купил ее на Блошином рынке или у торговца старьем и сам привел в порядок; он любил мастерить. Плита была раскалена докрасна, и в лоснящейся медной кастрюле бурлило рагу, судя по запаху, баранье.

С улицы доносились шум и гомон, и Мегрэ припомнил, что во время своего последнего визита застал старую женщину сидящей у окна, локтями она опиралась на подоконник: видимо, летом старуха так проводила время до темноты, всматриваясь в движущуюся по улице Муфтар толпу.

- Слушаю вас, господин комиссар.

Она сохранила протяжный акцент своей страны. Не села напротив него, а стояла, как бы готовясь защищаться.

- Когда вы последний раз видели сына?

- Скажите мне сначала: он снова арестован? После секундного колебания Мегрэ ответил, даже не солгав:

- Нет.

- А, значит, вы его ищете. Несмотря на это, сразу скажу: здесь его нет. Вы можете произвести обыск в квартире, когда-то вы это уже делали.

Увидите, что тут ничего не изменилось, хотя прошло уже десять лет...

Она указала через открытые двери на маленький салон, которым наверняка никогда не пользовались, загроможденный никому не нужными мелочами: салфетками, многочисленными фотографиями в рамках - как это часто бывает в мещанских домах, где одна комната должна быть напоказ: нежилой, для особо торжественных случаев.

Комиссар помнил: в двух комнатах окна выходят во двор, одна из них, с железной кроватью посередине, принадлежала этой женщине, вторая, не менее скромно обставленная, может быть, только чуточку поудобнее - ее сыну.

Из пекарни на первом этаже доносился запах горячего хлеба и смешивался с вкусным ароматом бараньего рагу.

- Я не разыскиваю его, мадам Кюэнде, - сказал Мегрэ серьезно и с некоторым волнением в голосе. - Хотел бы только знать...

Она поняла мгновенно, скорее даже почувствовала: в глазах ее блеснул страх.

- Если вы его не разыскиваете и если вы не арестовали его, значит...

Волосы на ее до смешного узкой голове были редкими.

- С ним произошло... что-то плохое... Да?! Мегрэ молча опустил голову.

- Я лично хотел сообщить вам об этом.

- Несчастный случай?

- Нет... Я...

- Так что же?

- Ваш сын мертв, мадам Кюэнде.

Она смотрела на него твердым взглядом, в глазах ее не было слез, а рыжеватая собачка, как бы поняв, что что-то случилось, соскочила с кресла и, подбежав к ней, стала тереться о ее толстые ноги.

- Кто это сделал?

Слова со свистящим звуком вышли из ее зубов, расставленных так же редко, как у ее собаки.

- Не знаю. Его убили.

- Где? Когда?

- Следствие установит.

- Убит?

- Его нашли уже мертвым сегодня под утро в Булонском лесу.

Она недоверчиво повторила, как бы все еще опасаясь какой-нибудь ловушки.

- В Булонском лесу? А что он делал в Булонском лесу? Ночью?

Она недоверчиво повторила, как бы все еще опасаясь какой-нибудь ловушки.

- В Булонском лесу? А что он делал в Булонском лесу? Ночью?

- Именно там нашли тело. Он был убит, а потом его привезли в машине на это место.

- Почему это сделали?

Мегрэ был терпелив, ему не хотелось ее торопить, времени у него было много.

- Именно это мы и хотим узнать.

Каким образом он смог бы, например, объяснить судебному следователю Кажу, что его связывало с Кюэнде? Ведь он знал его и видел не только в своем кабинете на набережной Орфевр. Для того чтобы узнать его поближе, недостаточно было одного следствия.

Необходимы были тридцать лет профессиональной деятельности и несколько визитов к нему домой, тщательное наблюдение за этим человеком, чтобы стала известна правда о нем.

- Именно с этой целью - как можно раньше раскрыть преступника - мне нужна определенная информация. Поэтому спрашиваю вас снова: когда вы видели его в последний раз?

- Я должна вспомнить...

- Он не ночевал дома, правда? Сколько уже дней?

- Он совершеннолетний и может делать все, что ему хочется... Ведь ему молено, не правда ли?

Внезапно ее глаза наполнились слезами. Она спросила подавленно:

- Где он... сейчас? Вы мне можете сказать?

- Вы увидите его позднее. Наш инспектор приедет к вам.

- В морге?

- Нет. В прозекторской.

- Он мучился?

- Нет.

- В него стреляли?

Хотя слезы одна за другой текли по ее щекам, она смотрела на Мегрэ со все возрастающим недоверием.

- Нет. Его ударили.

- Чем?

Она старалась представить себе ситуацию, в которой оказался ее сын в трагическую минуту.

- Неизвестно. Чем-то тяжелым.

Она безотчетно провела рукой по голове, и на ее лице появилась гримаса боли.

- Почему? - повторила она. - Почему это сделали?

- Мы узнаем, заверяю вас, мадам. Именно для того, чтобы найти виновных, я здесь, и именно поэтому мне нужна ваша помощь. Сядьте, прошу вас.

- Я не могу.

Ее колени дрожали.

- Не найдется ли у вас рюмки коньяку?

- Вы хотите выпить?

- Не я. Советую вам.

Он хорошо помнил, что она любила пропустить стаканчик. И на этот раз она без труда нашла в буфете спиртное. Правда, не коньяк, а графинчик с водкой.

Даже в такую минуту, как эта, она старалась скрыть правду.

- Держу водку для сына... Он любил иногда выпить перед обедом...

Она налила водки в две стопочки с выпуклым дном.

- Не могу понять, - начала она минуту спустя, - почему его убили...

Ведь он никогда не сделал никому ничего плохого... Мухи не обидел...

Добрый, мягкий, кроткий, спокойный... таких, как он, редко встретишь...

Правда, Того? Ты знаешь лучше, чем кто-нибудь, как он был добр к тебе!

Не сдерживая уже слез, она гладила толстую собачонку, которая не переставала крутить хвостом. Такую сцену господин судебный следователь Кажу наверняка признал бы гротеском...

Ведь ее сын, которого она так восхваляла, был закоренелым преступником, и если бы не его необычайная ловкость, он, скорее всего, должен был сидеть теперь в тюрьме.

Его дважды арестовывали и предавали суду - оба раза при участии комиссара Мегрэ.

Многие часы провели они с глазу на глаз на набережной Орфевр, стараясь перехитрить друг друга, причем каждый из них умел оценить ум другого...

- С какого времени?

Мегрэ не выходил из роли, не терял терпения: задавал вопросы равнодушным голосом, особенно спокойным на фоне доносившегося с улицы шума.

- Пожалуй, с месяца, - призналась она в конце концов.

- Он вам ничего не говорил?

- Он никогда не говорил мне, чем занимается вне дома. Так было на самом деле. Мегрэ в свое время имел этому доказательства.

- И он ни разу не пришел навестить вас за этот месяц?

- Нет на прошлой неделе был мой день рождения. Он прислал цветы.

- Откуда он их прислал?

- Их принес посыльный из цветочного магазина.

- Из какого именно? На упаковке был адрес?

- Может быть, и был. Я не заметила.

- А посыльного вы не знали? Может, это был кто-то из соседей?

- Я его никогда в глаза не видела.

Произвести обыск в комнате Оноре Кюэнде Мегрэ не мог. Он пришел сюда неофициально. Вести следствие поручено кому-то другому, а не ему.

Скоро придет инспектор Фумель, снабженный соответствующими приказами, подписанными судебным следователем Кажу. Но и он не разыщет тут, наверное, ничего предосудительного. В прошлый раз Мегрэ ничего не нашел, кроме висевших в шкафу нескольких костюмов, старательно уложенного на полках белья и каких-то инструментов для домашней работы, которые наверняка не были орудиями взломщика.

- Раньше ему тоже случалось исчезать на долгое время?

Она старалась вспомнить. Старуха не очень-то была расположена к беседе, и ей приходилось прилагать усилия, чтобы хладнокровно отвечать на вопросы.

- Он провел дома всю зиму.

- А где был летом?

- Этого не знаю.

- Он не предлагал вам вместе отправиться куда-нибудь к морю или в деревню?

- Я бы и так не поехала. Столько жила в деревне, что совершенно не хотела бы туда возвращаться.

Ей было лет пятьдесят, а может быть, и больше, когда она в первый раз приехала в Париж, а единственный город, который она знала до этого, был Лозанна.

Она родилась в Сенарклене, маленькой деревеньке в Швейцарии, в кантоне Во, поблизости от городка Коссаней, где ее муж, Жиль, работал сельскохозяйственным рабочим.

Мегрэ проезжал когда-то с женой во время отпуска через Швейцарию и помнил, что на каждом шагу там маленькие отели, трактиры или постоянные дворы.

Именно эти постоянные дворы - тихие и опрятные - стали погубителью для Жиля Кюэнде. Маленький человечек с кривыми ногами, молчаливый от природы, он мог просиживать часами в углу зала, попивая стаканами белое вино.

Из сельскохозяйственного рабочего он стал ловцом кротов и странствовал от фермы к ферме, расставляя ловушки, причем говорили, что от него пахло так же, как и от зверьков, которых он ловил.

У них было двое детей: сын Оноре и дочь Лаура, которая, работая официанткой в одном из ресторанов Женевы, смогла заставить влюбиться в себя одного работника ЮНЕСКО, переводчика. Насколько помнил Мегрэ, она вышла за него замуж, и они вместе уехали в Южную Америку.

- У вас есть какие-нибудь сведения о дочери?

- Я получила поздравление на Новый год. У нее уже пятеро детей. Могу показать вам открытку.

Она пошла в соседнюю комнату - не столько затем, чтобы убедить его, что говорит правду, сколько для того, чтобы сдвинуться с места.

- Пожалуйста! Цветная...

На открытке в лилово-фиолетовых красках был изображен порт Рио-де-Жанейро во время захода солнца.

- И больше она ничего о себе не пишет?

- А зачем? Нас разделяет океан, увидимся ли мы вообще когда-нибудь? У нее своя собственная жизнь.

У Оноре тоже была своя собственная жизнь, только иная. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его послали в Лозанну, где он стал учеником слесаря.

Он был спокойным и молчаливым парнем, таким же немногословным, как и его отец. Жил в мансарде старого дома, рядом с базаром, и только из-за какого-то анонимного доноса в одно прекрасное утро к нему в комнату пришла полиция.

В то время Оноре было неполных семнадцать лет. У него нашли самые разнообразные довольно странные предметы, происхождение которых он не мог объяснить: будильники, банки консервов, детскую одежду с еще не оторванными этикетками, два или три еще не распакованных радиоприемника.

Полиция предполагала вначале, что эти вещи украдены во время перевозки, при стоянке грузовиков.

Но следствие отвергло это предположение. Молодой Кюэнде забирался в склады, хранилища, пустые квартиры и брал оттуда все, что попадалось ему под руку.

Из-за юного возраста его послали в исправительный дом, в Ванн, под Лозанной, где среди различных ремесел, которым можно было научиться, Оноре выбрал профессию котельщика.

В течение целого года он был образцовым воспитанником - спокойным, мягким и работающим, никогда не нарушавшим установленного режима.

Внезапно он бесследно исчез, и его не удалось найти. Прошло десять лет, прежде чем Мегрэ столкнулся с ним в Париже.

Покинув Швейцарию, в которую он уже никогда не мог вернуться, он вступил в Иностранный легион и пять лет провел в Сиди-бель-Аббесе и в Индокитае.

Комиссару Мегрэ удалось познакомиться с его делом и поговорить с его начальниками.

Какое-то время Оноре Кюэнде был замечательным солдатом. Его укоряли только в том, что он был нелюдим: постоянно держался в стороне, у него не было ни одного друга, он ни во что не вмешивался, даже когда на его глазах происходили драки.

- Кюэнде был солдатом так, как другие бывают монтерами или сапожниками, - характеризовал его лейтенант. - Рассматривал это как свою профессию.

Три года подряд у него не было арестов, наказаний или замечаний.

После чего - без всякого повода - дезертировал.

Его нашли в Алжире, в какой-то граверной мастерской, куда он только что устроился на работу.

Он отказывался объяснить что-либо по поводу того, что толкнуло его на этот неожиданный шаг, который мог ему дорого стоить, пробормотал только:

- Не мог дольше выдержать.

- Почему?

- Не знаю.

Учитывая три года его безупречной службы, к нему отнеслись с определенным снисхождением, но через полгода он совершил то же самое; на этот раз его схватили через двадцать четыре часа в грузовике, развозящем овощи, где он старался спрятаться.

Когда он был в Иностранном легионе, на правой руке ему вытатуировали - по его собственному желанию - морского конька. „Почему именно его, а не что-нибудь другое?“ - пробовал выяснить Мегрэ.

Легионерам обычно нравятся рисунки, изображающие более пикантные создания, чем морские существа...

Ему было двадцать шесть лет, когда он предстал перед Мегрэ: невысокий, плечистый, рыжеватый блондин.

- Вы когда-нибудь видели морского конька?

- Живого никогда.

- А мертвого?

- Видел.

- Где?

- В Лозанне.

- При каких обстоятельствах?

- В комнате у одной девушки.

Из него приходилось вытягивать каждое слово.

- Что это была за девушка?

- Я приходил к ней.

- До исправительного дома в Ванне?

- Да.

- Как вы познакомились?

- Я заговорил с ней на улице.

- И у нее в комнате вы видели засушенного морского конька?

- Да. Она сказала, что это ее талисман.

- Вы знали еще каких-нибудь девушек до нее?

- Мало.

Мегрэ сразу догадался, что она была у него первой.

- Чем вы занимались после возвращения из Иностранного легиона, в Париже?

- Работал.

- Где?

- У слесаря.

- Его адрес?

- Улица Рокет.

Полиция проверила. Все совпадало. Он работал два года, ко всеобщему удовольствию. Над его неразговорчивостью смеялись, но считали прекрасным работником.

- Что вы делали вечером после работы?

- Ничего.

- Ходили в кино?

- Почти никогда.

У вас были знакомые, друзья?

- Нет.

- Приятельницы?

- Тоже нет.

Можно было бы предположить, что женщины пробуждали в нем робость. А все-таки та первая - тогда, когда ему было шестнадцать лет, - произвела на него такое впечатление, что в честь нее он вытатуировал на руке морского конька.

Следствие велось тщательно. В те времена можно было еще позволить себе разрабатывать детали. Мегрэ был тогда только инспектором полиции, по возрасту всего на три года старше Кюэнде.

Все началось так же, как и в Лозанне, с той лишь разницей, что на этот раз в полицию не поступила анонимка.

Однажды в четыре часа утра (а значит, в то самое время, когда нашли тело в Булонском лесу) полицейский остановил молодого человека, несшего большой сверток. Это произошло совершенно случайно. Задержанный бросился бежать.

В свертке были меховые шкурки, и Кюэнде отказался объяснить, откуда у него этот странный товар.

- Куда вы шли с ним?

- Сам не знаю.

- Откуда у вас это? Скажите!

- Ничего не могу вам сказать.

Было установлено, что шкурки принадлежали скорняку с улицы Фран-Буржуа.

Кюэнде жил тогда на улице Сент-Антуан, в ста метрах от площади Бастилии, и в его комнате было найдено - так же, как и в Лозанне, - большое количество самых разнообразных вещей.

- Кому вы продавали свою добычу?

- Никому.

Это звучало не правдоподобно, но все-таки не удалось установить никаких связей между неразговорчивым швейцарцем и кем-нибудь из известных полиции скупщиков краденого.

Этот случай заинтересовал Мегрэ до такой степени, что он добился от своего тогдашнего начальника комиссара Гулло, чтобы арестованного показали врачу. Медицинское заключение

гласило: "Тип явно антиобщественный. Умственное развитие выше среднего. Эмоциональные реакции нормальны".

Кюэнде повезло: его тогда защищал по назначению молодой адвокат метр Гамбье, который через какое-то время стал одним из светил французской адвокатуры, поэтому он получил небольшой срок.

Сначала он отсиживал его в тюрьме Сайте, позднее был переведен во Френ, где провел год; и здесь тоже вел себя безупречно - в награду срок сократили на несколько месяцев.

В то время, когда Кюэнде находился в заключении, от несчастного случая погиб его отец. Как-то в субботу он возвращался домой пьяный, не включив фары мотоцикла, и сзади на него наехал автомобиль.

Оноре вызвал в Париж мать; женщина, которая до этого не высовывала носа из спокойной швейцарской деревеньки Сенарклен, внезапно оказалась в самом центре шумной улицы Муфтар.

Не была ли и она своего рода феноменом? Огромный город должен был будить в ней робость, подавлять своей величиной, а она вскоре так освоилась в своем квартале, что стала там очень популярной личностью.

Ее звали Жюстина, и вся улица Муфтар, от начала до конца, знала старую Жюстину с хитрыми глазами и протяжным, певучим голосом.

То, что сын сидел в тюрьме, ничуть ее не конфузило.

- Каждому своя судьба суждена, - говорила она сентенциозно.

Еще дважды комиссар Мегрэ имел возможность заниматься личностью Оноре Кюэнде: второй раз в связи с крупной кражей драгоценностей на улице де ля Помп в районе Пасси.

Была ограблена роскошная квартира семьи Д., в которой, кроме хозяев, было три человека прислуги. Драгоценности лежали на туалетном столике в будуаре, примыкающем к спальне супругов Д. Двери в будуар были всю ночь открыты.

Ни сам хозяин, ни его жена ничего не слышали. Горничная, которая спала в своей комнатке на том же этаже, уверяла, что входные двери она закрыла на ключ и что, когда пришла утром, они были заперты. Никаких следов взлома. Ни одного отпечатка пальцев.

Апартаменты семьи Д. находились на четвертом этаже и не имели балкона, не могло быть, значит, и речи о том, чтобы кто-то пробрался снаружи в будуар, например, из соседней квартиры.

Это была пятая или шестая кража одного типа в течение трех лет; газеты много писали об этом, называя грабителя "взломщиком-привидением".

Мегрэ прекрасно узнал той весной всю улицу де ля Помп. Он ходил один, в разное время дня, из квартиры в квартиру и скрупулезно расспрашивал не только консьержек, но и жильцов этих домов, и продавцов местных магазинчиков, и прислугу.

И именно тогда благодаря случаю или, скорее, благодаря собственной настойчивости или упорству, он наткнулся на Кюэнде.

В доме напротив того, в котором была совершена кража, комнатку на шестом этаже с окнами, выходившими на улицу, снял недавно какой-то мужчина.

- Очень вежливый, очень спокойный жилец, - было о нем мнение консьержки. - Выходит редко, вечером никогда женщин не приводит. К нему вообще никто не приходит.

- Он сам убирает? Сам готовит?

- Да, наверное! Но ручаюсь, у него очень чисто.

Неужели Кюэнде был так самоуверен, что, совершив кражу, не дал себе труда переехать куда-нибудь в другое место? Или, может быть, наоборот, он боялся навлечь на себя подозрение, если бы внезапно покинул свою квартиру?

Мегрэ застал его дома. Кюэнде сидел и читал какую-то книгу. Сквозь окно было прекрасно видно, что происходит в доме на другой стороне улицы.

- Вы не пройдете со мной?

Кюэнде не протестовал. И не возражал, когда производили обыск в его комнатке. У него не нашли ничего, абсолютно ничего: ни одной драгоценности, ни одной отмычки, никаких лестниц или веревок, словом, ни одного приспособления, чтобы взбираться.

Допрос на набережной Орфевр длился почти сутки с короткими перерывами, чтобы съесть булку и выпить пива.

- Почему вы сняли эту комнату?

- Она мне понравилась.

- Вы поссорились с матерью?

- Нет.

- Вы уже не живете вместе с ней?

- Когда-нибудь я к ней вернусь.

- Вы оставили у нее свои вещи?

- Конечно.

- В последнее время вы были у матери?

- Нет.

- Кто вас видел в том доме?

- Консьержка, соседи, может, кто-нибудь еще.

Немного странный акцент придавал его словам оттенок иронии, должно быть, невольный, поскольку выражение его лица, серьезное и спокойное, говорило о том, что он делает все, что может, чтобы удовлетворить господина комиссара.

Допрос не дал никаких результатов, но расспросы на улице Муфтар доставили кое-какой материал. Оказалось, что Оноре не в первый раз исчезал на период от трех недель до двух месяцев, после чего возвращался и снова жил в течение долгого времени вместе с матерью.

- На какие средства вы живете?

- Я умею делать все.

- Но вы нигде не работаете.

- Я отложил немного денег.

- В банке?

- Я не верю банкам.

- Так где же эти деньги?

Он молчал. Со времени своего первого ареста он проштудировал Уголовный кодекс и некоторые параграфы знал на память.

- Это не я должен доказать, что невиновен. Это вы должны доказать мне мою вину.

На этот раз Мегрэ рассердился, хотя при виде лица Кюэнде, выражавшего снисходительное неодобрение, тут же об этом пожалел.

- Вы каким-то образом избавились от драгоценностей. Скорее всего продали кому-то. Кому?

Перед этим поинтересовались известными скупщиками краденого, оповестили Антверпен, Амстердам, Лондон. Шепнули словечко доверенным информаторам. Но никто не узнал Кюэнде. Никто в глаза его не видел.

Никто не поддерживал с ним отношений.

- А что я говорила? - торжествовала его мать. - Я знаю, что вы хорошие пройдохи, но у моего сына тоже есть голова на плечах... ого-го какая!

Несмотря на подозрения, несмотря на то, что фамилия Кюэнде фигурировала в реестре судимых, пришлось освободить его из-за отсутствия доказательств вины.

Он не торжествовал, как его мать. Ни на минуту не утратил враждебной флегматичности. Выходя из кабинета Мегрэ, задержался в дверях, поискал глазами шляпу и после короткого колебания протянул на прощание руку.

- До свидания, господин комиссар.

Будто бы знал, что скоро они увидятся снова.

Ш

Стулья с плетеными из соломы сиденьями поблескивали оттенками матового золота. Пол из обычных сосновых досок, очень старый, был покрыт воском и так натерт, что в нем, как в зеркале, отражался прямоугольник окна. Медный маятник стальных часов мерно покачивался.

Казалось, что каждый предмет в этой комнате: кочерга, вазоны, половая щетка, о которую терся кот, живут своей собственной жизнью, как на картинах старых голландских художников.

Старая женщина открыла дверцы печки и бросила туда два совка угля; вырвавшееся пламя на миг осветило ее лицо.

- Вы позволите мне снять пальто?

- Это значит, что вы пришли надолго?

- Это значит, что на дворе два градуса мороза, а у вас очень тепло.

- Старые люди мерзляки, - буркнула она скорее себе под нос, чем ему.

- Я люблю, когда печь хорошо натоплена. Мой сын тоже любил тепло, даже когда был маленьким. Помню, что у нас дома, в Сенарклене, он всегда сидел у печки, когда учил уроки.

Она бросила взгляд на кресло, обитое вытертой кожей.

- И здесь он тоже поддвигал кресло к печке. Он мог часами сидеть так и читать, забывая обо всем на свете.

- А что он читал?

- Разве я знаю? - отвечала она, разводя руками. - Откуда мне знать?

Он брал книги в библиотеке на улице Монж. Прочитает одну, отдает, берет другую. О, одна еще лежит здесь.

Она указала на обернутую в черное блестящее полотно книгу... Это была монография о французской революции, написанная Ленортом.

- Мой Оноре знал очень много. Никогда не говорил попусту, но сколько у него в голове было... ого-го! Газеты он читал ежедневно, по четыре-пять в день, и такие толстые журналы, очень дорогие, с цветными картинками...

Мегрэ любил тихие квартиры, у которых был свой собственный запах хорошо поддерживаемого человеческого жилья. Ему хотелось закурить трубку, и он уже начал ее машинально набивать, но заколебался.

- Можете закурить. Он тоже курил трубку. У него была целая коллекция старых трубок, а если какая-нибудь из них портилась, он долго с ней возился, но чинил сам.

- Я бы хотел задать вам один вопрос, госпожа Кюэнде.

- Почему вы обращаетесь ко мне так официально? Все попросту называют меня Жюстина. И уже так давно! Мне кажется, что в последний раз „мадам Кюэнде" называл меня мэр, который регистрировал наш брак. Пожалуйста, спрашивайте. Отвечу, если смогу.

- Вы не работаете?

- Я никогда не работала. Даже когда муж был жив.

- У вашего мужа было какое-то состояние?

- А вы когда-нибудь видели богатого кротолова? Особенно такого, который пьет с утра до ночи?

- Значит, вы жили на те деньги, что давал вам сын?

- Что же в этом плохого?

- Рабочий отдает зарплату ясене или матери каждую субботу, чиновник свое жалованье каждого первого числа. А Оноре - он давал вам деньги регулярно или в определенные сроки, когда они были вам нужны?

Она сосредоточенно смотрела на него, как бы только теперь отдав себе отчет в значении его вопроса.

- По-разному... а что?

- Он мог, например, вручить вам какую-то крупную сумму сразу, чтобы вам хватило на то время, пока он отсутствует. Но когда он вернется...

- Он никогда не давал мне крупных сумм. Что бы я с ними делала?

- На какой срок он оставлял вас одну? По крайней мере, на несколько недель, правда? А что вы делали все это время без денег?

- Мне много и не нужно.

- А все-таки, как вы жили, не имея средств к существованию?

- Я всегда могу взять в кредит все, что мне необходимо в магазинчике, у мясника - ба! - любой базарный торговец мне поверит. Кто у нас в квартале не знает старой Жюстины?

- А может быть, ваш сын присылал деньги по почте?

- По почте? Никогда!

- Послушайте меня, мадам Кюэнде...

- Я уже говорила вам, чтобы вы называли меня Жюстиной. Она встала у плиты, долила воды в бурлящую на огне кастрюлю, прикрыла ее крышкой, оставив узкую щелку, чтобы мог выйти пар.

- Я в самом деле не хочу доставлять вам неприятности, а ваш сын ведь... уже теперь... прошу понять меня: мне нужно только найти тех, кто его убил. А вы можете мне в этом помочь.

- Я смогу его увидеть?

- Да.

- Когда?

- Сегодня, еще до полудня. Наш инспектор заедет за вами.

- Мне выдадут тело?

- Наверное. Но прошу вас не менять тему. Я должен задать вам несколько вопросов.

- Что вы еще хотите от меня узнать?

Она все еще была недоверчивой, какими обычно бывают крестьянки: старая женщина, почти неграмотная, она во всем видела ловушку. Эту ее подозрительность невозможно было преодолеть.

- Сын покидал вас пару раз в течение года и не показывался по несколько недель... Как долго это продолжалось?

- Я уже говорила. Иногда три недели, иногда два месяца.

- Как он вел себя, когда возвращался?

- Так, как каждый. Был доволен, что находит свои домашние туфли рядом с печкой.

- Он говорил вам, что уезжает или исчезал без предупреждения?

- А кто собирал ему чемодан, если не я?

- Значит, он предупреждал вас, что уезжает. Что он брал с собой?

Смену белья? Костюмы?

- Брал то, что ему было нужно.

- У него было много костюмов?

- Четыре или пять. Он любил элегантно одеваться.

- У вас не создавалось впечатления, что после возвращения он что-то прячет в квартире?

- Что можно спрятать в такой маленькой квартире? В конце концов вы производили тут обыск, и не один раз. Я прекрасно помню, как ваши люди совали нос всюду, куда только могли, далее комод отодвигали, спускались в подвал, хотя он принадлежит всем жильцам, в каждый угол залезали, и ведь ничего не нашли!

Это была правда. Не нашли ничего.

- У вашего сына нет счета в банке или сберегательной книжки. Значит, можно полагать, что он хранил деньги в каком-то ином месте. Не вспомните: может быть, он говорил, что уезжает за границу - в Бельгию, например, в Швейцарию или в Испанию?

- В Швейцарии его бы сразу арестовали.

- Верно.

- Нет, он никогда не говорил ни о каких отъездах за границу.

В течение двух последних лет фотография Оноре Кьюэнде фигурировала среди снимков тех лиц, за которыми следует смотреть на пограничных переходах и даже на железнодорожных вокзалах.

Мегрэ колебался, раздумывая про себя: ведь он должен был где-то продавать драгоценности и другие краденые предметы. Он не контактировал с профессиональными скупщиками краденого. А так как тратил на себя немного, наверняка имеет где-то отложенные деньги. И к тому же крупную сумму. Да! Но где?

И вслух сказал Жюстине:

- Поскольку сын давал вам деньги на жизнь нерегулярно, время от времени, чтобы вы сделали, если бы он вообще перестал вам их давать?

Она невольно вздрогнула, и в ее глазах отразилось беспокойство.

- Я никогда не боялась этого, - ответила она не без гордости. Оноре хороший сын!

Она не сказала на этот раз: „был хорошим сыном“. И закончила так, как если бы он был жив:

- Я уверена, что он не оставит меня без средств к существованию.

В ее голосе звучала глубокая убежденность.

Минуту спустя Мегрэ произнес вполголоса, как бы про себя:

- Кто его убил? Ведь не какой-то случайный бродяга, наверняка нет. И не сообщник из мести. Сообщников у него никогда не было. Что же в этом кроется? Ведь это не какое-то обычное убийство...

Старуха не спрашивала, откуда он это знает, а он сам ей не объяснял.

У бродяги не было бы повода изуродовать тело, и уж наверняка незачем ему было с особой злостью глумиться над его лицом или тщательно опорожнять карманы, чтобы не осталось ни одной мелочи, такой, как трубка или зажигалка, которые могли бы облегчить опознание.

Убили его и не представители преступного мира: убийца был кто-то такой, кто не знал, что Кюэнде сидел в тюрьме по уголовному делу, а значит, без труда его отпечатки пальцев отыскивались бы в картотеке лиц, имевших судимость.

- Тот, кто его убил, не знал Оноре раньше. Все-таки у убийцы были какие-то причины, чтобы его прикончить. Вы меня понимаете?

- А что я тут должна понимать?

- То, что когда мы будем знать, какую кражу планировал Оноре, в каком деле, в чьей квартире, нам легче будет напасть на след убийцы.

- Это не вернет к жизни моего сына.

- Вы мне позволите взглянуть на его комнату?

- Я не могу вам запретить.

- Я хотел бы, чтобы мы сделали это вместе.

Когда она шла за ним, двигались ее узкие плечи и колыхались огромной ширины бедра. Рыжая собачка, ворча, семенила за ней.

В комнате Оноре с выходящим во двор окном, через которое проникал слабый свет, царил полумрак, как в часовне. Отсвечивало только белое стеганое покрывало на железной кровати.

Мегрэ открыл дверцу зеркального шкафа: три костюма - два серых, один темно-синий - аккуратно висели на плечиках, внизу стояли составленные в ряд туфли, а на полке лежали рубашки, поверх которых был положен пучок сушеной лаванды. На этажерке - книги: Уголовный кодекс в красной обложке, сильно истрепанный, купленный наверняка у какого-нибудь букиниста на набережной Сены или на бульваре Сен-Мишель. Какие-то романы конца девятнадцатого века, том Золя, том Толстого. План Парижа, которым наверняка часто пользовались...

В углу на полке - стопки иллюстрированных журналов. При виде их комиссар невольно нахмурил брови. Они странным образом не подходили ко всей остальной мебелировке. Это были толстые, дорогие журналы, напечатанные на мелованной бумаге, с цветными снимками самых красивых замков Франции и великолепных интерьеров.

Мегрэ перелистал несколько из них в надежде, что найдутся какие-нибудь заметки или хотя бы места, подчеркнутые карандашом. Быть может, они наведут его на какой-нибудь след...

Живя в Лозанне, в мансарде, молодой Кюэнде, будучи учеником слесаря, присваивал все, что попадало ему под руку, даже предметы, не имеющие цены.

Позднее, когда он оказался в Париже и жил на улице Сент-Антуан, он стал более разборчивым, но тогда еще, проникая в маленькие магазинчики или скромные квартиры в своем районе, он делал это наугад, без предварительной разведки.

В последнее время он поднялся на более высокую ступень: если планировал кражу, то уже на ином уровне - на квартиры богачей, там, где могут оказаться и крупная сумма денег, и драгоценности.

Мать, сама того не желая, навела комиссара на верный след: он вспомнил, что ее сын читал ежедневно четыре или пять газет.

Мегрэ был уверен, что Оноре не искал в газетах политических новостей и не углублялся в рубрику происшествий, а выискивал информацию из светской хроники: о том, что происходило в высшем свете, вчитывался в описания приемов, свадеб и тому подобного.

Разве в этих сообщениях он не выискивал с восхищением сведения про количество драгоценностей, которые были на женщинах высшего света?

Иллюстрированные журналы, которые Мегрэ в этот момент просматривал, наверняка приносили Кюэнде еще более важную для него информацию: не только подробно освещали план

комнат в частных домах, но даже помещали цветные фотографии, показывающие, как они обставлены.

Так, значит, сидя в уголке и греясь у печки, Оноре раздумывал, взвешивал все „за" и „против", мысленно производил выбор.

Позже он отправлялся на прогулку в присмотренный район, снимал комнату в гостинице или, если ему удавалось найти что-то соответствующее, отдельную квартиру, как это было на улице де ля Помп.

Во время последнего следствия, длившегося несколько лет, было обнаружено, что он просиживал в различных кафе и пивных, а в некоторых стал постоянным посетителем. О нем говорили: „Человек очень спокойный, часами сидел где-то в углу со стаканчиком белого вина, читал газету, глазел на улицу..."

А на самом деле он внимательно наблюдал, кто и когда выходит и возвращается домой как хозяйева, так и слуги, запоминал их привычки и порядок занятий, и потом, из окна своей комнаты, следил, что они делают, когда находятся уже дома.

Через какое-то время благодаря этим наблюдениям дом напротив не имел от него никаких тайн.

- Благодарю вас, мадам Кюэнде!

- Жюстина!..

- Извините, мадам Жюстина... Я очень... Он не окончил фразы, ища соответствующего слова. „Симпатизировал" было бы уж слишком, „интересовался" - нет, такая формулировка была бы для нее непонятной...

- ... уважал вашего сына.

Это слово тоже не было точным, но ведь ни вице-прокурор, ни судебный следователь не услышат их из его уст.

- К вам скоро придет инспектор Фумель. Если что-нибудь понадобится, прошу обращаться прямо ко мне.

- Мне ничего не будет нужно.

- Если вы случайно узнаете, в каком районе Парижа Оноре провел последние недели своей жизни...

- Сомневаюсь, - пожала она плечами. Мегрэ попрощался с Жюстиной Кюэнде и начал осторожно спускаться по истертым ступеням лестницы.

Через минуту его охватили пронизывающий холод и шум улицы. В воздухе висела как бы белая пыль, но снег не шел, не видно было его следов на тротуарах.

Едва он вошел в комнату инспекторов, Люка объявил:

- Вам звонил Моэрс.

- Когда?

- Полчаса назад.

- Он не говорил, по какому вопросу?

- Просил, чтобы вы ему позвонили.

- Ничего нового о Фернана?

Мегрэ не забыл, что его самым важным заданием было найти участников вооруженного нападения. Поиски могли продолжаться неделями, если не месяцами! Сотни полицейских и жандармов имели фото находящегося сейчас на свободе Фернана. Инспектора ходили от квартиры к квартире, как коммивояжеры, рекламирующие электрические пылесосы, и спрашивали, показывая его фото, не знает ли кто этого человека.

Следственная бригада занималась гостиницами и пансионатами, полиция нравов расспрашивала проституток. На вокзалах пассажиры не раз ловили на себе внимательные взгляды.

Нет, не Мегрэ вел следствие по делу Кюэнде. Ведь это же не его задание. Он должен заниматься чем-то иным. Ему нельзя отрывать своих людей от выполнения их обязанностей. Но как сочетать собственный горячий интерес с чувством необходимой в этих делах добросовестности?

- Поднимешься наверх, - обратился он к Люка, - и потребуешь последний или хотя бы не очень старый снимок Кюэнде. Попросишь сделать отпечатки.

Пусть каждый из инспекторов, разыскивающих Фернана, а в особенности те, которые разрабатывают кафе и гостиницы, имеет при себе и его снимок тоже. И пусть спрашивают при случае, не знает ли кто Кюэнде хотя бы в лицо.

- Везде? - спросил Люка. - Во всех комиссариатах? Мегрэ раздумывал минуту, и в первый момент ему хотелось сказать: „Нет, только в самых богатых, современных районах“, но он вспомнил вовремя, что и в старых районах часто находятся роскошные доходные дома.

Оказавшись в своем кабинете, комиссар Мегрэ снял телефонную трубку и позвонил Моэрсу.

- Есть какие-нибудь результаты?

- Есть, но не знаю, пригодятся ли они для чего-нибудь. Исследуя одежду под увеличительным стеклом, мои люди наткнулись на три или четыре волоска, которые рассмотрели под микроскопом. Эксперт Делаж, а он свое дело знает, утверждает, что это волоски из шерсти дикого кота. Иначе говоря, лесного кота.

- Где находились эти волоски? Говори точно.

- На спине у жертвы, ближе к правому рукаву. Там были также следы дамской пудры. Быть может, позднее мы сможем установить название фирмы, но это потребует времени.

- Благодарю. Фумель не звонил?

- Недавно ушел. Я дал ему указания.

- А где он сейчас?

- Изучает досье Кюэнде.

Мегрэ чувствовал, как лопаются его покрасневшие веки. Только сейчас он осознал, что его вытащили из постели в четыре часа утра.

А потом у него было много работы: надо было подписывать какие-то бумаги, заполнять формуляры, принять несколько человек, которые ожидали его... То, что они говорили, комиссар слушал с какой-то рассеянностью.

Оставшись один, он позвонил известному скорняку с улицы ля Боти и ему пришлось долго настаивать, чтобы его попросили к аппарату.

- Говорит комиссар Мегрэ из уголовной полиции. Извините, что я вас беспокою, но мне необходима кое-какая информация. Не могли бы вы мне сказать, сколько сейчас в Париже пальто из меха дикого кота?

- Дикого кота?

Этот вопрос скорее всего привел скорняка в изумление.

- Сейчас, пожалуй, нет ни одного. Были времена - давно, в то время, когда в Париже только что появились первые автомобили, - наша фирма шила такие шубы для мужчин, а для дам - легкие меховые накидки...

Мегрэ вспомнил старые фото автомобилистов, на которых они выглядели, как медведи.

- И именно из дикого кота?

- Шкурки были очень хорошо обработаны. Еще сейчас этот мех носят в холодном климате, например в Канаде, Швеции, Норвегии или в северных штатах США.

- А в Париже таких мехов уже не носят?

- Может быть, некоторые фирмы продают еще, но, пожалуй, редко.

Сейчас, минуточку... - Он прервался, как будто ему внезапно пришла в голову какая-то мысль. - Вы, господин комиссар, интересуетесь только меховыми пальто?

- Почему вы спрашиваете?

- Потому что иногда бывают заказы на такие или подобные меха для иных целей. Можно изготовить из них, например, накидки на диван или из обрезков коврики на пол, или полость для прикрывания ног в автомобиле...

- И часто бывают такие заказы?

- Посмотрев наши книги, я мог бы сообщить вам, господин комиссар, сколько их было в течение последних нескольких лет. По памяти скажу: штук тридцать - сорок. Это что касается нашей фирмы. Но ведь есть и другие скорняки, те производят их сериями, конечно, не наилучшего сорта.

Ага, я еще кое-что вспомнил. Недавно я видел на витрине аптеки неподалеку отсюда рекламу: вроде бы мех дикого кота - хорошее средство от ревматизма...

- Благодарю вас.

- Вы бы хотели, господин комиссар, чтобы я подготовил для вас список моих клиентов?

- Если это не затруднит вас...

В течение нескольких недель полиция усиленно разыскивала Фернана, не имея все же уверенности, что он на самом деле принимал участие в последних бандитских нападениях. Это требовало столько же кропотливого труда, сколько, например, подготовка энциклопедического словаря.

Известно было, что Фернан любил, куда обычно ходил, известны были некоторые его привычки. Для его поисков могла пригодиться даже такая мелочь, как то, что он пил только ликер кирасао, и никогда никаких иных напитков. А это было уже что-то, какой-то конкретный след... Зато при поисках убийцы Кюэнде приходилось довольствоваться несколькими волосками шерсти дикого кота...

Экспертиза установила, что эти волоски были найдены на спине пиджака жертвы, рядом с правым рукавом. Если бы они были от мехового пальто, разве они не оказались бы скорее на лацканах?

Быть может, это на женщине был мех, и она прикоснулась к его пиджаку?

Мегрэ хотелось бы принять гипотезу, что это было не пальто, а меховая накидка, чтобы прикрывать ноги в автомобиле. А если в автомобиле, то не в какой-нибудь маленькой машине типа 4 CV, а в большом, роскошном автомобиле, хозяин которого может позволить себе купить мех для прикрывания ног.

Но разве в течение последних лет Кюэнде не забирался в дома богачей?

Надо было бы осмотреть все гаражи в Париже и всюду неизменно задавать один и тот же вопрос: в каком автомобиле находилась накидка для ног, изготовленная из меха дикого кота?

Задача почти невыполнимая...

В дверь кабинета Мегрэ постучал инспектор Фумель. Он выглядел очень усталым, веки набрякли и покраснели. Он спал даже меньше, чем Мегрэ.

После ночного дежурства он еще не ложился.

- Не помешаю?

- Садись.

Было несколько таких инспекторов, которым комиссар говорил „ты“ - это были его самые старые сотрудники, они начинали работу одновременно с ним, и в те времена все звали друг друга по имени, но с тех пор, как Мегрэ получил повышение, они обращались к нему только „господин комиссар“ или „шеф“.

- Я прочитал его дело, - сказал Фумель. - И сам не знаю, с какого конца к этому приступить. И двадцати человек было бы мало для такой работы. Из протоколов судебных заседаний я понял, что вы знали его лично, шеф.

- Я его хорошо знал. Сегодня утром я был у его матери, полуофициально. Сообщил ей эту печальную новость и сказал, что ты приедешь за ней и отведешь ее в прозекторскую. Результаты вскрытия у тебя уже готовы?

- Еще нет. Я звонил доктору Ламалю. Он велел передать мне через своего ассистента, что сегодня вечером или завтра утром придет рапорт для судебного следователя.

Доктор Поль в свое время не ждал, когда ему позвонят. Сам звонил Мегрэ и ворчал: „А что я буду там разговаривать с судебным следователем!“

Правда, раньше только полиция вела следствие, а судебные органы занимались в большинстве случаев теми делами, в которых подозреваемый сам признавал себя виновным.

В настоящее время существовали три этапа действий: следствие, которое вела уголовная полиция в Париже, на набережной Орфевр, судебное расследование, и только позднее, после знакомства с материалами дела, суд приступал к составлению обвинительного акта, и дело передавалось на рассмотрение суда присяжных.

- Моэрс говорил тебе о волосках шерсти дикого кота?

- Разве это шерсть дикого кота? Да, он мне говорил.

- Я только что разговаривал по телефону со скорняком. Было бы хорошо, чтобы ты собрал информацию об автомобильных меховых накидках на ноги - сколько их в Париже продано в последнее время. А расспрашивая хозяев гаражей...

- У меня нет никого в помощь.

- Знаю, старина.

- Я уже послал первый рапорт. Судебный следователь Каяку вызвал меня на сегодня на пять часов. Скверно для меня получается. Дежурство было у меня вчера ночью, значит, сегодня я должен иметь свободный день. Я кое с кем договорился, но если я позвоню и скажу, что занят на службе, этот кое-кто не поверит, и начнутся такие осложнения, что я не смогу из этого выбраться... Этот „кое-кто“ - женщина, понятное дело!

- Если я узнаю что-то еще, то позвоню тебе. Но не говори судебному следователю Кажу, что я интересуюсь этим делом.

- Понимаю!

Ко второму завтраку Мегрэ пошел домой. В его квартире было не менее чисто, а паркет был натерт и также блестел, как у старой Кюэнде.

И здесь тоже было очень тепло, и была кафельная печка, несмотря на калориферы, поскольку Мегрэ любил печи и добился от администрации дома, чтобы в его комнате она была оставлена.

Из кухни доносились аппетитные запахи. А все-таки Мегрэ почувствовал внезапно, что ему чего-то не хватает - он и сам не знал чего.

В квартире матери Оноре Кюэнде царила атмосфера еще большего покоя и уюта, быть может, благодаря контрасту с уличным шумом. Из окна, так близко, что рукой можно достать, видны были лавочки и лотки, и были слышны голоса продавцов, расхваливающих свой товар.

Та квартира была меньше и ниже, и какая-то более тесная. Старая женщина проводила в ней всю жизнь, с утра до вечера. Одна-одинешенька.

Только собака и кот составляли ей компанию. Когда не было сына, она наверняка не находила себе места. Может быть, и он должен купить себе собаку или кошку?

Что за глупая идея! Он ведь не старая баба, не слеса-ришка, а те двое приехали из глухой швейцарской деревни в столицу и наняли себе квартиру на одной из самых шумных улиц Парижа.

- О чем ты так думаешь? - внезапно спросила госпожа Мегрэ. Он усмехнулся.

- О собаке.

- Ты хочешь купить собаку?

- Нет. В конце концов это было бы не одно и то же...

Та собака была найдена на улице, со сломанными лапками...

- Отдохнешь, вздремнешь немного?

- У меня нет времени, к сожалению!

- Непонятно, доволен ты своей работой или нет...

Его поразила точность этого наблюдения. Смерть Кюэнде откровенно его огорчила. У него была личная обида на его убийцу, как если бы этот швейцарец был его другом, товарищем или, по крайней мере, старым знакомым.

Он был так сердит на них еще и за то, что они изувечили тело и бросили его, как мертвое животное, в Булонском лесу не землю, скованную льдом, где тело должно было окаменеть.

В то же время он не мог удержаться от усмешки, осознавая, каков был образ Кюэнде и какие у него были мании. Старался понять его и считал, что ему это удастся.

Конечно, в начале своей, если так можно сказать, карьеры, Оноре, в то время скромный ученик слесаря, входил в свое ремесло совершенно банально: крал без разбора все, что подворачивалось под руку.

Он не продавал вещей, добытых таким способом, а собирал их в своей мансарде, как молодой щенок собирает под соломенной подстилкой кости или корки хлеба.

После приезда в Париж, когда он жил неподалеку от площади Бастилии, он усовершенствовал свой метод, и уже тогда отчетливо вырисовывался путь, который он выбрал. Он не вступил ни в какую банду. У него не было ни друзей, ни приятелей. Он работал в одиночку.

Слесарь, котельщик, „золотая ручка“, добросовестный и точный в работе, он научился прокрадываться в крупные склады, мастерские, различные хранилища.

Он никогда не был вооружен. Не имел ни огнестрельного оружия, ни даже ножа.

Никогда не вызывал тревоги, никогда не оставлял после себя следов.

Это был тихий человек, молчаливый как в обычной жизни, так и во время „работы“.

Были ли у него какие-нибудь отношения с женщинами? Имел ли он постоянную приятельницу? Никогда не удавалось напасть на подобный след.

Он жил со своей матерью, а если даже и имел какие-то мимолетные романы, то делал это тайно, может быть, в каком-то отдаленном районе, где никто его не знал и никто не располагал о нем никакими сведениями.

Он мог целыми часами сидеть в кафе у окна за стаканом белого вина. Он мог также целыми днями дежурить у окна в нанятой комнате, как на улице Муфтар, читая книги и журналы и греясь у печки.

У него не было почти никаких личных потребностей. А ведь список украденных предметов, не говоря уже об иных кражах, в которых именно его можно было подозревать, был довольно значителен, и стоимость украденных вещей составляла целое состояние.

Может быть, он вел двойную жизнь где-то за Парижем, может быть, там продавал те вещи и тратил полученные таким способом деньги?

- Думаю, - Мегрэ объяснил жене, - об одном довольно странном человеке. Он был взломщиком.
- Тот, которого убили прошлой ночью?
- Откуда ты знаешь?
- Прочитала заметку в газете.
- Покажи.
- Всего несколько строк. Я наткнулась на них случайно.

Мегрэ прочитал:

ТРУП В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ Сегодня ночью, около трех часов утра, патруль полиции на велосипедах из XVI округа обнаружил на одной из аллей Булонского леса труп мужчины с изуродованным лицом. Установлено, что погибшего звали Оноре Кюэнде, 50 лет, происходил из кантона Во в Швейцарии и был уже несколько раз судим.

По мнению судебного следователя Кажу, который прибыл на место происшествия в сопровождении вице-прокурора Кернавеля, а также судебного врача, который ведет следствие по этому делу, следовало бы допустить, что произошло сведение личных счетов в преступной среде.

„Сведение личных счетов в преступной среде"... Такая формулировка может привести в бешенство! Это значит, что, по мнению господ из Дворца правосудия, дело практически уже похоронено. Как это когда-то сказал прокурор: „Хорошо, пусть они убивают друг друга. Палачу будет меньше работы и больше пользы для граждан".

- Ты что-то сказал?
- Разве я что-то говорил? Ах да... Представь себе взломщика, который умышленно выбирает дома или квартиры не пустые...
- Что это значит: не пустые?
- Такие квартиры, в которых кто-то есть...
- Почему?
- Послушай. Каждый год, а точнее, каждое лето в течение нескольких недель большинство квартир в Париже стоят пустые, поскольку жильцы уезжают в отпуск: к морю, в горы, за границу или в свои поместья в деревне.
- Знаю, тогда бывает больше всего краж.
- Но производят их специалисты, а такие не отважатся никогда забраться или вломиться в квартиру, в которой находятся люди...
- А этот твой... он вел себя иначе?
- Да, этот мой, Кюэнде, интересовался исключительно квартирами, в которых в это время находились жильцы. Он ждал, к примеру, того момента, когда они возвращаются из театра и когда хозяйка положит свои драгоценности в комнате, соседней со спальней, а иногда и на туалетном столике рядом с кроватью...

Госпожа Мегрэ умела мыслить логично:

- Но ведь каждая элегантная женщина, если собирается куда-то пойти вечером, драгоценности надевает на себя, поэтому, если бы он вломился в квартиру во время ее отсутствия, то не нашел бы ничего ценного.
- Но мог бы найти иные, не менее дорогие вещи, например картины, не говоря уже о наличных деньгах...
- Значит, ты допускаешь, что этот человек страдал какой-то навязчивой идеей? Что он был невменяем?

- Такое подозрение было бы, вероятно, слишком сильным, но я подозреваю, что он был охвачен какой-то манией, что получал особое удовлетворение, забираясь в дом, заполненный людьми. Один раз он стянул часы с ночного столика, когда владелец спал и ничего не слышал. Жилка азарта, - закончил он с улыбкой. Госпожа Мегрэ тоже улыбнулась.

- Сколько раз ты его ловил?

- Сидел он только один раз, но это было еще тогда, когда он не разработал своего метода и крал что попало, так же, как и другие преступники. У нас в бюро целый список краж, которые мог совершить только он. Он подготавливался к „делу" долго, иногда снимал на несколько недель комнату на противоположной стороне улицы и наблюдал за жильем, которое потом обкрадывал.

- Но почему его убили? - спросила госпожа Мегрэ.

- Именно этот вопрос я и задаю себе. Единственное, что меня могло бы навести на какой-то след, это если бы удалось установить, какое дело он планировал именно в ту ночь. Редко когда Мегрэ говорил жене так много о следствии, которое еще только велось, но мог это сделать, поскольку не он его вел, и потому, что дело было необычным. Оноре Кюэнде привлекал его и как тип человека, и как специалист в своей „сфере", интересовали его оба - и он, и старая Жюстина, его мать.

„Я уверена, что он не оставит меня без средств к существованию..." - сказала она с гордостью.

И при этом Мегрэ был убежден, что она действительно не знает, где ее сын прятал деньги.

Она верила ему, верила слепо, что Оноре не оставит ее без средств к жизни!

Каким путем доходили до нее деньги? Что он предпринял, чтобы ее обеспечить, предоставить средства к существованию, он, который не имел ни друзей, ни коллег по ремеслу?

Может быть, он попросту не предвидел, что когда-нибудь станет жертвой преступления... Но разве все можно предвидеть?

Мегрэ попил кофе маленькими глотками. Закурил трубку и невольно бросил взгляд на буфет. И тут так же, как и на улице Муфтар, стоял графинчик с чем-то крепким... Там была обычная водка, здесь - сливовая.

Госпожа Мегрэ перехватила его взгляд и быстро налила рюмку.

IV

Без пяти четыре, когда Мегрэ сидел за столом, склонившись над стопкой дел, испещренных различными пометками, на которые падал круг мягкого света лампы, зазвонил телефон. Звонили из узла связи, из полицейской службы, находящейся в постоянной готовности.

- Вооруженное нападение на улице Лафайет, между улицами Тибу и шоссе д'Антен. Перестрелка, есть убитые.

Это произошло без десяти четыре, но уже была объявлена тревога.

Ожидавший в готовности автомобиль с полицейскими в форме уже отъехал от префектуры, в это же время прокурор, сидя в своем кабинете во Дворце правосудия, раздавал приказы и принимал сообщения и о том, что происходит в настоящее время.

Мегрэ открыл дверь в комнату инспекторов, буркнул что-то Жанвье, минуту спустя они оба сбежали по лестнице, поспешно натягивая на ходу пальто, и сели в радиофицированную машину.

Из-за желтоватого тумана, опустившегося на город, уже было темно, как в восемь часов вечера, а усиливающийся холод пронизывал до мозга костей.

- Сегодня ночью придется глядеть в оба, - бросил водитель. - Наверняка будет гололед.

Они ехали, включив сирену, голубой огонек мигал на ше автомобиля.

Такси и автобусы съезжали на край дороги, пешеходы провожали взглядом проезжавшую автомашин Уличное движение в направлении Оперы было нарушено. На проезжей части образовалась корочка льда. Полицейские, регулировавшие поток транспорта, энергичными свистками и размашистыми жестами старались навести порядок.

На улице Лафайет, хорошо освещенной со стороны складов фирмы „О Принтеп“, был час пик. Толпа, состоявшая в основном из женщин, создала густую, сбитую массу на тротуаре. Надо было эту толпу направить на боковые улицы, прекратить дальнейший доступ людей.

Один из участков улицы опустел, на нем видны были только темные силуэты полицейских.

Комиссар полиции с комиссаром девятого округа прибыли сюда вместе со своими людьми. Специалисты измеряли и расчерчивали мелом контуры на проезжей части. Упершись двумя передними колесами в тротуар, стоял автомобиль с разбитым ветровым стеклом, а в двух-трех метрах дальше - темное пятно, над которым стояли люди и вполголоса переговаривались.

Невысокий седоватый мужчина, в темной одежде, с вязаным шарфом еще держал в руке стаканчик рома, который ему принесли из соседнего бара.

Это был кассир из ближайшего большого магазина хозяйственных товаров на улице Шатоден.

В третий или четвертый раз он начинал свой рассказ, стараясь не смотреть на неподвижную фигуру человека, лежавшего на несколько метров дальше и прикрытого серой бумагой.

Сзади, за кордоном полиции, напирала толпа, оттуда доносились голоса обсуждавших происшествие женщин.

- Как всегда, в конце месяца...

Мегрэ забыл, что сегодня как раз 31 января.

- ... я пришел в банк, расположенный за Оперой, чтобы получить деньги для выплаты жалованья персоналу...

Мегрэ знал, где находится его магазин: четыре этажа секций, два подвала, около трехсот человек работающих.

- Мне надо было пройти не более пятисот - шестисот метров. Чемоданчик я держал в правой руке.

- Он не был прикреплен цепочкой к вашему запястью?

Этот человек не был профессиональным кассиром, никакой охраны не предусматривалось. У него только был пистолет в правом кармане плаща. Он перешел на другую сторону улицы по пешеходному переходу и направился в сторону Тибу. Толпа была так велика, что, казалось, в такой толкучке ему ничего не грозит. Внезапно он заметил, что какой-то человек идет рядом с ним, а когда повернул голову, убедился, что второй идет за ним по пятам.

- Если тебе дорога жизнь, не строй из себя героя!

И в тот же момент у него грубо вырвали из рук чемоданчик. Один из нападавших быстро побежал в сторону автомобиля, который медленно проезжал мимо. Услышав выстрел, кассир в первый момент подумал, что стреляли в него. Возникла суматоха, раздались крики и визг женщин.

Второй выстрел - и звон разбитого стекла. Кажется, раздалось еще несколько выстрелов, некоторые свидетели говорили, что четыре или пять.

Какой-то мужчина, сильно взволнованный, с лицом, красным, как свекла, разговаривал в сторонке с комиссаром полиции. Он был очень возбужден, не знал только, похвалят его или привлекут к ответственности.

Это был полицейский из того самого девятого округа, звали его Маргере. Не находясь на службе в этот день, он был в гражданском. Почему же он носил в кармане револьвер? Потом ему придется это объяснить.

- Я шел встретить жену, которая пошла за покупками. Стал свидетелем нападения. Видел трех типов, бежавших в сторону автомобиля...

- Их было трое?

- Один - по одной стороне, другой - по второй, третий - сзади...

Стрелял полицейский Маргере. У одного из бандитов сначала подогнулись ноги, а через секунду он растянулся около женщин, которые бросились бежать в другую сторону.

Автомобиль мчался в сторону улицы Сент-Августин. Полицейский, регулировавший движение, пронзительно свистел. Из автомобиля, который через минуту исчез среди других машин, раздалось несколько выстрелов.

В течение двух следующих дней у Мегрэ не было времени думать об убитом швейцарце. Два раза по этому делу ему звонил инспектор Фумель, прося дальнейших инструкций.

Были записаны фамилии и адреса примерно пятидесяти свидетелей, среди них продавщица вафель, лоток которой стоял поблизости, скрипач-калека, собиравший на углу улиц в шляпу медяки, и два официанта из кафе напротив места происшествия, а также и кассирша, утверждавшая, что все видела, хотя стекла на террасе запотели.

Случайной жертвой стал прохожий, тридцатипятилетний мужчина, женатый человек, имеющий детей. Он погиб от шальной пули, наверняка не зная почему.

В первый раз с тех пор, как началась эта серия грабительских нападений в центре города, удалось захватить члена банды, раненного полицейским Маргере, который благодаря необычайному стечению обстоятельств оказался на месте происшествия.

- Я стрелял в ноги, чтобы помешать ему удрать... Пуля, однако, попала бандиту в шею, и теперь он лежал, не приходя в сознание, в больнице Божон, куда его привезла „скорая помощь“.

У дверей его отдельной палаты попеременно дежурили инспекторы Люка, Жанвье и Торранс, ожидая момента, когда он придет в себя и начнет говорить, поскольку врач не терял надежды, что его удастся спасти.

На следующий день, как и предвидел водитель полицейской машины, улица оказалась покрытой стеклистым гололедом. Машины двигались еле-еле.

Грузовики магистрата посыпали песком главные городские артерии.

В длинном коридоре следственного отдела было полно людей, ожидавших, когда их вызовут в кабинет комиссара Мегрэ, и он задавал свидетелям один и тот же вопрос и ставил кабалистические знаки на плане, составленном специалистами.

Вечером в тот день, когда произошло бандитское нападение, Мегрэ поехал в Фонтеней-о-Роз. Найденные у раненого бандита документы свидетельствовали, что зовут его Жозеф Резон, по профессии он монтер и живет неподалеку от Парижа, в Фонтеней-о-Роз.

В новом доме, в квартире светлой и опрятной, Мегрэ нашел молодую блондинку и двух девочек, шести и девяти лет, занятых приготовлением уроков.

Жозеф Резон, сорока двух лет, в самом деле работал монтером на фабрике, расположенной на набережной Жавель. У него был маленький автомобиль, и каждое воскресенье он ездил с семьей в деревню.

Жена вела себя так, как будто бы ни о чем не знала, и Мегрэ поверил, что так и есть на самом деле.

- Не могу понять, - зачем он впутался в это дело, господин комиссар.

Мы были так счастливы. Эту квартиру купили два года назад. Жозеф хорошо зарабатывал. Не пил, почти никуда не ходил один, всюду брал меня с собой...

Комиссар взял ее в больницу. Мужа она видела лишь несколько секунд, больше врачи, несмотря на ее настойчивые просьбы, не позволили.

Надо было разобраться по порядку в путанице часто противоречивых свидетельских показаний. Одни знали слишком мало, другие, наоборот, слишком много... Некоторые отказывались от показаний.

- Если буду говорить, они меня найдут...

Однако Мегрэ удалось довольно точно воссоздать облик тех двоих, которые взяли в кольцо кассира, и того, который вырвал у него чемоданчик.

Один из официантов кафе напротив места нападения сразу распознал на показанных ему фотографиях Фернана.

- Он вошел в наше кафе за десять - пятнадцать минут до нападения и заказал кофе со сливками. Сидел за столиком рядом с дверью на застекленной веранде...

Через какое-то время Мегрэ на основании показаний свидетелей установил, что Фернан 31 января был одет в толстое коричневое пальто.

На первый взгляд, это не имело большого значения, но укрепляло комиссара в убеждении, что главой банды был именно он, бывший заключенный Сен-Мартен-де-Ре.

Тяжело раненный участник нападения, лежавший в больнице, на несколько секунд пришел в себя, но смог только прошептать:

- Моник...

Так звали его младшую дочь.

Комиссару Мегрэ бросилась в глаза одна подробность: оказывается, теперь людив банду Фернана набираются не из профессионалов-преступников, а из новичков и любителей гангстерского ремесла.

Из прокуратуры ему звонили каждый час и присылали один рапорт за другим.

У выхода из здания его окружила толпа журналистов.

В пятницу в одиннадцать часов коридор наконец-то опустел. Мегрэ в это время как раз беседовал с Люка, который вернулся из больницы и рассказывал, что знаменитый хирург намерен провести операцию раненому, когда кто-то постучал в дверь.

- Войдите! - нетерпеливо буркнул Мегрэ.

Вошел Фумель, но когда он понял, что пришел не вовремя, весь съежился, стал как бы меньше ростом. Он был явно простужен, глаза у него слезились, нос покраснел..

- Может быть, я приду попозже?

- Входи!..

- Мне кажется, я напал на след... Точнее, не я лично, а люди из следственной бригады обнаружили... Я знаю, где жил Кюэнде в течение последних пяти недель.

Мегрэ слушал его со вздохом облегчения: наконец-то он сможет узнать что-то новое о таинственном швейцарце.

- В маленьком, довольно дрянном отеле на улице Нев-Сен-Пьер...

- Где это? В каком районе?

- В том самом, где он жил и раньше. Сен-Поль.

- За церковью святого Павла?

- Это маленькая улочка, очень старая, между набережной Сены и улицей Сент-Антуан. Там есть пара магазинчиков и почти никакого автомобильного движения.

- Рассказывай дальше.

- Гостиничка не наилучшей репутации, вроде бы из тех, где комнаты сдаются на часы. Но живут там и дольше, у них есть несколько комнат, снятых на длительный срок. Кюэнде жил там

почти месяц, мало кто его видел, он почти не выходил, разве только затем, чтобы перекусить в ресторанчике, который называется „Пети-Сен-Поль“.

- Что находится напротив этой гостинички?
- Дом восемнадцатого века, несколько лет назад его отремонтировали.
- Кто там живет?
- Одинокая особа, если не считать прислуги. Некая мадам Вильтон.
- Ты собрал сведения о ней?
- Начал собирать, но в районе о ней никто ничего не знает.

С недавнего времени - лет примерно десять тому назад - стало модным среди людей, конечно, очень богатых покупать старые дома в районе Маре, на улице Фран-Буржуа, например, и восстанавливать, придавая им тот же вид, какой они имели в семнадцатом или восемнадцатом веке.

Мода на реставрацию старых домов или маленьких дворцов началась с острова Святого Людовика, и теперь все еще был спрос на здания этого типа, даже если они находились на улицах очень безлюдных.

- Перед этим домом очень большой двор, - сообщил дальше Фумель, - посредине высокое дерево... В этом районе деревья, пожалуй, редкость.

- Хозяйка вдова?

- Разведенная. Я видел ее с одним журналистом, которому время от времени оказываю мелкие услуги, сообщаю пораньше некоторую информацию, конечно, не секретную, а лишь такую, которую можно сообщать... А на сей раз он мне оказал услугу. Рассказал об этой женщине. Разведена и, хотя не живет с мужем, часто с ним видится, они даже вместе ходят в гости...

- Как фамилия ее мужа?

- Вильтон. Стюарт Вильтон. С его согласия она после развода оставила фамилию мужа. Ее девичья фамилия - как я проверил в районном комиссариате - мадемуазель Лемуар. Флорен Лемуар. Мать ее была гладильщицей, отец - полицейским. Они жили на улице Де-Ренн. Сама она не то актриса, не то балерина. Мой журналист утверждает, что она была танцовщицей в „Казино де Пари“. Стюарт Вильтон влюбился в нее, развелся со своей первой женой и женился на ней...

- Когда это было?

Мегрэ рисовал какие-то каракули карандашом на промокашке, а перед глазами его был образ Оноре Кюэнде, сидевшего у окна гостинички с подозрительной репутацией.

- Лет десять - двенадцать назад... Дом купил Вильтон. У него есть еще второй, не менее шикарный, в Отейе, а также маленький замок в Бесс, неподалеку от Мезон-Лафитт...

- Он играет на скачках?

- Насколько мне известно, постоянно посещает скачки, но собственной конюшни у него нет.

- Американец?

- Нет, англичанин. Но очень давно живет во Франции.

- Откуда у него столько денег?

- Я говорю только то, о чем узнал сам. Он происходит из семьи крупных промышленников и получил в наследство ряд патентов и лицензий. Это приносит много денег без всяких усилий с его стороны. Он путешествует почти по полгода, на лето снимает виллу на мысе Антиб или Ферра, состоит в нескольких фешенебельных клубах. Мой журналист утверждает, что человек он очень известный, но в кругах скорее закрытых, и поэтому его имя редко можно встретить в прессе.

Мегрэ встал, шею обернул шарфом, надел пальто.

- Идем! - бросил он коротко. А Люка сказал:

- Если кто-нибудь будет меня спрашивать, я буду через час.

Мороз и гололед привели к тому, что улицы были почти такие же, как это случается в августе, пустые. На узкой улочке Нев-Сен-Пьер никого не было видно, далее играющих детей.

Над полуоткрытыми дверями отеля „Ламбер" висел шар из молочного стекла с лампочкой внутри, а на месте портье в холле, где пахло затхлостью, сидел старый человек, который, опершись спиной о калорифер, читал газету.

Он сразу узнал инспектора Фумеля и, вставая, буркнул себе под нос:

- Начинается... Я с самого начала знал, что будут неприятности!

- У вас не будет никаких неприятностей, если вы умеете держать язык за зубами. Комната Кюэнде еще никем не занята?

- Нет. Он заплатил за месяц вперед. Я мог бы, правда, сдать комнату после 31 января, но поскольку этот господин оставил свои вещи, я решил подождать.

- Когда вы видели его в последний раз?

- Сейчас, постараюсь вспомнить... Если не ошибаюсь, то в субботу... а может быть, в пятницу... Лучше всего спросить горничную.

- Он предупреждал вас, что надолго оставляет комнату?

- Он мне ничего не говорил. Он вообще никогда ничего не говорил.

- А в ту субботу или пятницу... во сколько он ушел?

- Не знаю. Это не я, а моя жена его видела. Ночью, когда кто-нибудь из наших жильцов приходит с девушкой, им не нравится, чтобы их видел мужчина... Это их смущает. Поэтому ночью дежурит моя жена.

- Она вам ничего не говорила?

- Вы можете сами с ней поговорить. Через минуту она придет.

В холле воздух был нагретым, застоявшимся, спертым и при этом насыщенным каким-то странным запахом, и все это вместе напоминало запах, царящий в метро.

- Если не ошибаюсь, жена говорила, что в тот вечер он вообще не выходил.

- Это часто случалось?

- Иногда. Он покупал себе что-нибудь поесть и возвращался наверх в свою комнату. Мы видели, как он поднимался по лестнице с газетой и покупками. Он говорил „спокойной ночи" и не показывался до утра.

- А в тот вечер он выходил и не вернулся?

- Трудно сказать, на следующее утро его в комнате не было. Ага, вспоминаю: жена говорила, что видела его ночью. Она провожала какую-то пару в их комнату на первом этаже, в глубине коридора. Пошла принести им чистые полотенца и услышала, что кто-то спускается по лестнице.

- Во сколько это было?

- Сразу после полуночи. Жене даже стало интересно, кто выходит в такое время, но, когда она вернулась с полотенцами, этот кто-то был уже внизу.

- Когда вы узнали, что он не ночевал в своей комнате?

- На следующий день. Часов здак в десять-одиннадцать, когда горничная постучала в его дверь, чтобы убрать номер. Никто не ответил, поэтому она вошла и заметила, что постель не была разобрана на ночь.

- Вы не сообщили в полицию, что жилец вышел и до сих пор не возвратился?

- А зачем? Разве постоялец не может делать то, что ему нравится? Он заплатил. Всегда платил вперед. Часто случается, что жильцы выезжают и никого заранее не предупреждают...

- Выезжают и оставляют свои вещи?

- Чего там они стоят, эти вещи?

- Проводите нас в его комнату.

Владелец гостинички, шаркая туфлями, потащился за ними наверх. Он был еще не старым, но передвигался с трудом, и на лестнице почувствовал одышку.

- Это на четвертом этаже, - выдохнул он.

На лестничной площадке лежала целая гора постельного белья, двери нескольких комнат были открыты, видимо, на время уборки.

- Это я, Роза! Иду с господами на четвертый этаж.

Чем выше они поднимались, тем больше в воздухе чувствовалась затхлость. На четвертом этаже в коридоре не было даже дорожки. Из какой-то комнаты доносились звуки губной гармоники.

- Это здесь...

На двери виднелся номер 33, криво написанный черной краской.

Воздух в комнате был спертый, как бывает в закрытых, непрветриваемых помещениях.

- Здесь все так, как он оставил.

- Вы ничего не трогали?

- Я был уверен, что он вернется... Выглядел прилично... Я даже подумал, что за дело у него в таком районе! Он всегда был хорошо одет, и денег ему наверняка хватало.

- Откуда вы знаете, что у него были деньги?

- Два раза, когда он мне платил, я видел толстую пачку банкнот в его бумажнике.

- Он не принимал гостей?

- Не видели ни я, ни моя жена. А один из нас всегда внизу.

- Сейчас, например, там никого нет.

- Верно, так может произойти, но только на несколько минут, и, как господа слышали, я предупредил горничную...

- Письма он никогда не получал?

- Никогда.

- Кто занимает соседнюю комнату? Соседняя комната была только одна.

Номер 33 находился в самом конце коридора.

- Ольга. Такая себе... уличная.

Владелец маленького отеля знал, что крутить не следует: и так полиция знает обо всем, что тут происходит.

- Она сейчас у себя в комнате?

- В это время она наверняка спит.

- Благодарим вас. Теперь нам бы хотелось остаться одним.

Владелец гостинички вышел, шаркая туфлями, злой и нахмурившийся. От столкновения с полицией ничего хорошего не ожидалось.

Мегрэ закрыл за ним дверь и начал осматривать вещи Кюэнде. Открыл убогий сосновый шкаф, плохо отполированный, с еле прикрепленным замком, из которого выпадал ключ.

Здесь не было ничего достойного внимания: пара черных туфель, хорошо вычищенных, летние туфли, почти новые и серый костюм, старательно развешанный на плечиках. На верхней полке лежала шляпа - темная, фетровая, с этикеткой солидной фирмы.

На нижней полке было семь рубашек - шесть белых и одна светло-голубая, кальсоны, носовые платки, шерстяные носки. На соседней полке две пижамы и книги: „Впечатления от путешествия по Италии“, „Популярная медицина“ (обе изданы в 1899 году) и какая-то современная приключенческая книжка...

Меблировка состояла из железной кровати, круглого стола, накрытого скатертью из темно-зеленого плюша, одного кресла, сильно потертого, с выпирающими пружинами. Шторы не были задернуты, а занавески внизу окна пропускали скупой свет с улицы.

Мегрэ стоял у окна. Прежде всего он увидел обширный двор перед не то патрицианским домом, не то маленьким дворцом, находящимся напротив.

Рядом с подъездом с остекленным двойными дверями, к которым вели несколько ступенек, стоял большой черный „бентли“.

Фасад здания был старательно очищен и приобрел нежный жемчужный оттенок, окна были взяты в старинные наличники замысловатой резьбы.

На втором этаже горела лампа, бросая свет на ковер с прекрасным сложным узором, на стоявшее у окна стильное кресло и овальный столик на изогнутых ножках.

Окна на первом этаже были высокие, узкие, на втором - как бы косо обрезанные, будто в мансарде.

Весь дом, в общем довольно низкий, не был, пожалуй, так велик, как могло показаться, глядя на его фасад. В нем было несколько больших комнат.

Сквозь два открытых окна на втором этаже было видно, что происходит внутри: лакей в полосатом жилете убирал с помощью пылесоса большую комнату, наверное, салон.

- Ты спал эту ночь, Фумель?

- Да, шеф. Почти восемь часов.

- Ты голоден?

- Не очень.

- Я пришлю кого-нибудь, чтобы тебя сменить. А сейчас ты должен усесться в это кресло и смотреть в окно. До тех пор, пока ты не зажжешь свет, оттуда тебя не будет видно.

Разве не так вел себя Кюэнде во время последних пяти или шести недель?

- Обращай внимание на то, кто входит и выходит, а если появится какая-нибудь машина, запиши номер.

Минуту спустя Мегрэ постучал в дверь соседнего номера. Ему пришлось ждать какое-то время, пока он не услышал скрип пружинного матраса, а потом стук каблучков по полу.

- Кто там? - спросил голос из комнаты.

- Полиция!

- Опять?!

И со смирением этот женский голос добавил:

- Войдите!

Она широко раскрыла дверь. Одета в ночную рубашку, явно невыспавшаяся, веки у нее припухли. Грим, который не был смыт перед сном, размазался по ее лицу.

- Я могу лечь?

Почему вы сказали „опять“? Сегодня здесь уже была полиция?

- Здесь нет. Но меня останавливали на улице. Уже несколько недель подряд полиция не оставляет меня в покое. Раз шесть в этом месяце я ночевала в участке. Что на этот раз?

- Надеюсь, ничего. Прошу только никому не говорить о моем визите.

- Разве вы не из полиции нравов? Что-то мне кажется, что я где-то видела вашу фотографию.

Если бы не этот размазанный грим и плохо покрашенные волосы, она была бы совсем недурна. Может быть, немного полновата, но тело у нее было упругое, глаза блестящие, с живым взглядом.

- Я комиссар Мегрэ.

- Что случилось?

- Еще не знаю. Давно вы здесь живете?

- С октября. Как только вернулась из Канн. Я всегда провожу лето в Каннах.

- Вы знакомы с соседом?

- С каким?

- Из тридцать третьего номера.

- С этим швейцарцем?

- Откуда вы знаете, что он швейцарец?

- Определила по акценту. Я работала в Швейцарии три года назад, в кабаре, в Женеве, но мне не продлили разрешения на пребывание в стране.

Местные девушки не любят конкуренции.

- Он с вами разговаривал? Заходил к вам?

- Я сама раз пошла к нему. Это было как-то после обеда. Проснулась и вижу, что кончились сигареты. Я пару раз встречала его в коридоре, он всегда вежливо здоровался со мной.

- Ну и что было дальше?

У нее была очень выразительная мимика.

- Вот именно, что ничего не было! Я постучала в его дверь. Он долго не открывал. Мне даже было интересно, что он там у себя делает.

Оказалось, он совершенно одет, в комнате у него был совершенный порядок, и он курил трубку. Никого у него не было. Я спросила: „Нет ли у вас сигарет?“ Он сказал, что нет, к сожалению, но он может спуститься вниз и мне принести. Я была, как сейчас, не одета, в одной ночной рубашке. На столе у него лежала плитка шоколада. Заметив, что я на нее посмотрела, он отломил кусочек и угостил меня. Я подумала, что следует ему чем-то отплатить. По-соседски... Я думаю, вы сами понимаете. Но он ничего. Ну и я ничего. Ем шоколад, но из комнаты не уйду. Смотрю, что он читает.

Какая-то книжка про Италию, с такими странными гравюрами. „Вам не скучно? - спрашиваю. - Вы один-одинешенек?“ Но он был, пожалуй, не по этой части... Я ведь не отталкивающая... Он, по-видимому, не мог решиться, потому что внезапно сказал: „Я должен выйти. Меня ждут...“

- И это все?

- Пожалуй, да. Стены здесь тонкие, слышно, что происходит в соседней комнате. А тут у нас по ночам разное случается, иногда трудно бывает заснуть... Вы ведь знаете, как это бывает! Но он никогда не жаловался на шум. Туалет находится в конце коридора, так что одно могу только сказать наверняка: спать он ложился очень поздно, встречала его не раз среди ночи, когда он шел в туалет; он был всегда одет полностью.

- Вам не приходилось когда-либо взглянуть на этот дом напротив?

- Там, где живет эта сумасшедшая?

- Почему вы называете ее сумасшедшей?

- Потому что она выглядит так, как будто у нее не все в порядке с головой. Отсюда хорошо видно, что там делается, сижу у окна и смотрю.

Они редко задерживают гардины, а вечерами это далее большое удовольствие смотреть на их люстры. У них там такие огромные подсвечники, целиком хрустальные, и множество других ламп... Ее комната как раз напротив моей. Иногда вечером она задерживает гардины, но утром ее окно всегда открыто, а она, как бы не отдавая себе отчета в том, что делает, расхаживает по комнате совершенно голой. А может быть, она делает это умышленно? У некоторых женщин есть подобный бзик. Для своих личных услуг она держит двух горничных, а иногда звонит лакею, и ее несколько не волнует, что он видит ее в таком виде, в каком создал Господь. Часто к ней приходит парикмахер и причесывает так смешно, что лопнуть можно со смеху, когда смотришь на это. Наверное, это тогда, когда она собирается на какой-нибудь светский прием. Для своих лет она хорошо держится и вовсе недурна, должна признать...

- Сколько ей может быть лет?

- Лет сорок пять... А может быть, и побольше. Такие женщины, как она, выхоленные, взлелеянные, окруженные заботой, могут отлично выглядеть до пятидесяти лет, и никто об этом не узнает!

- У нее бывают гости?

- Иногда приезжают какие-то господа с визитом. Две-три машины, редко когда больше. Чаще всего она сама куда-то исчезает.

- Одна?

- Нет. Чаще всего со своим альфонсом.

- Кто он такой?

- Не скажу, чтобы это был обычный альфонс. Молодой, по сравнению с нею щавель, моложе ее лет на двадцать. Красивый парень, высокий брюнет, одет, как куколка, а машина у него, как игрушка. Он ее сам водит, без шофера.

- И часто он у нее бывает?

- Я не могу постоянно сидеть у окна, к сожалению! Выхожу около шести, а возвращаюсь поздно ночью. Такая профессия!.. Откуда я могу знать, часто ли он к ней приходит?

- А как вы думаете?

- Да разве я знаю. Раза два-три в неделю.

- И ночует?

- В этом я уверена; ясно, что ночи он проводит у нее. Обычно я встаю довольно поздно, но в дни, когда мне предстоят визиты к врачу, должна выходить очень рано. Ваши коллеги, наверное, делают это нам назло, назначая такие ранние часы! Ну вот, несколько раз так было: выхожу в девять, а машина этого альфонса все еще стоит перед домом... Потом, тот, второй...

- Есть еще и второй?

- Вот именно! Тот старый. Ведь у нее должен быть кто-нибудь посерьезнее, разве нет?

Мегрэ не мог удержаться от улыбки, слыша подобное изложение фактов.

- Чему вы улыбаетесь? Разве я сказала какую-нибудь глупость?

- Нет, что вы! Продолжайте, пожалуйста.

- Это очень элегантный пожилой мужчина, седой, иногда приезжает на „роллс-ройсе" с шофером. А какой красивый парень его шофер!

- И он тоже остается на ночь у этой дамы?

- Нет, кажется, нет. Приезжает ненадолго и сразу же уезжает. Если не ошибаюсь, поздно вечером я его никогда не видела. Является эдак часов в пять. Наверное, к чаю...

Она была горда от мысли, что при случае могла продемонстрировать свое знание высшего общества. Знала, что некоторые „аристократические семьи" в пять часов вечера „пьют чай"...

- Я, наверное, так и не узнаю, почему вы задаете мне все эти вопросы.

- Угадали.

- Я должна держать язык за зубами?

- Для меня это было бы очень важно.

- И так будет лучше для меня самой, правда?

- Наверняка.

- Пожалуйста, не беспокойтесь. Я уже слышала о вас, приятельницы мне рассказывали, но представляла вас себе иным. Думала, что вы немного старше. - Она улыбнулась, потянувшись под одеялом.

И после короткого молчания спросила:

- Нет?

Он ответил тоже с улыбкой:

- Нет.

Она громко рассмеялась.

- Так же, как и мой сосед... Да? Через секунду спросила уже серьезно:

- А что он такое сотворил?

Мегрэ был почти уже готов рассказать ей правду. У него появилось огромное искушение посвятить ее в это дело. Он знал, что можно рассчитывать на ее молчание. Знал также, что она сможет понять многое, много больше, чем, например, такой человек, как судебный следователь Кажу. Может быть, какие-то следы, которых он не заметил, были бы для нее, если бы она знала, в чем дело, понятными?

- Нет, не сейчас. Быть может, позднее. Если понадобится.

- Вы еще вернетесь?

- Может быть. А где здесь неподалеку можно хорошо поесть?

- Ясное дело, только в „Пети-Сен-Поль"... Хозяйка там сама готовит, и если вы, например, любите поджаренные колбаски, лучших не найдете нигде.

Только скатерти там бумажные и обслуживание не из лучших... Официантка слишком заигрывает с клиентами...

V

Комиссар Мегрэ воспользовался ее советом. Но прежде чем усесться за столиком маленького ресторанчика, позвонил жене, чтобы предупредить, что ко второму завтраку домой не придет, поест в городе.

Нет, он не забыл о своих обязанностях - о деле Фернана и его шайки.

Но он должен был „переварить" более близкое ему и более интригующее дело об убийстве Кюэнде, и обязательно в одиночестве.

Да, ему необходимы были и одиночество, и отдых, а позволить себе это он мог только украдкой. По этому поводу его несколько мучила совесть.

Мучила, но не очень. Поджаренные колбаски в самом деле оказались великолепными. Ольга несколько не преувеличивала. А вино божоле, хотя несколько густоватое, имело все еще исключительный вкус и запах. Но самым главным было то, что, сидя во второразрядном ресторанчике, за столиком, накрытым вместо скатерти белой бумагой, он мог спокойно предаваться своим мыслям.

Хозяйка, приземистая и толстая, с коком седых волос на голове, часто открывала кухонную дверь, чтобы бросить взгляд в зал и проверить, все ли в порядке; на ней был фартучек, такой же голубой фартучек, какой когда-то носила мать Мегрэ, более темный по краям и полинявший посередине от частых стирок.

Официантка действительно вела себя довольно странно, хотя совершенно не так, как предупреждала Ольга. Это была высокая брюнетка с белой кожей. Время от времени гримаса боли или судорога пробегали по ее лицу.

Комиссар подумал, что сегодня она сделала аборт.

В зале было несколько рабочих в комбинезонах, два алжирца и продавщица газет из ближайшего киоска в мужском пиджаке и фуражке.

Имело ли какой-нибудь смысл показывать фотографию Кюэнде официантке или усатому хозяину, разливавшему вино?

С этого самого места в углу зала у окна, которое сейчас занимал Мегрэ, Кюэнде мог, протирая временами рукавом запотевшее стекло, видеть как на ладони дом напротив, наблюдать, что происходит на улице.

Наверняка он не доверял никому. Здесь, как и везде, его считали тихим, спокойным человеком, каким в определенном смысле он и был на самом деле.

Мегрэ знал подобных одиночек. Например, известный Коммодор, носивший моноколь и красную гвоздику в бутоньерке, остававшийся в самых роскошных отелях, имел великолепные манеры, выглядел, да и вел себя, как благовоспитанный, исполненный достоинства пожилой мужчина - такой благовоспитанный, что никому не приходило в голову подозревать, что у него „длинные руки". И он на самом деле ни разу не попался с поличным, и никто не знал, что с ним потом случилось. Может быть, он укрылся где-нибудь в провинции, а может быть, еще сейчас греет старые кости на одном из далеких островов Тихого океана? А может быть, его прирезал какой-нибудь неизвестный преступник, польстившись на деньги...

Раньше ведь тоже существовали организованные банды, но они применяли иные методы, чем теперь, и, что более важно, набирались из людей другого типа.

Если бы, к примеру, такая история, как на улице Лафайет, произошла двадцать лет назад, Мегрэ сразу бы знал, где искать лиц, совершивших нападение, в каком районе - да что там! - в каком кафе или баре. Он знал их завсегдаев, людей примитивных - тех, у кого на лице написана их профессия.

У современных гангстеров методы совершенно не те. Нападение на кассира на улице Лафайет было заранее тщательно обдумано и предусмотрены малейшие детали - надо было случиться только редкому, неожиданному стечению обстоятельств, которое привело к тому, что в толпе оказался полицейский, вопреки предписаниям имевший при себе револьвер. И он, рискуя пристрелить кого-то невиновного, не выдержал и выстрелил, ранив бандита.

Правда, и Кюэнде в последнее время модернизировал свою „технику".

Мегрэ вспомнил, что говорила та его соседка из гостинички „Ламбер". Она с гордостью подчеркивала, что ей известны великосветские манеры. Чай в пять часов. Так же вел себя элегантный, такой далекий для нее Кюэнде.

Наблюдая из своего окна за домом напротив, присваивал себе привычки его обитателей, учился у них хорошим манерам, лоску, этикету.

Нет, он не станет выбивать окна, не будет пользоваться ломом, не будет использовать ни одного из смертоносных орудий обычных взломщиков.

Он прибегнет к более изысканным способам, но при этом более рискованным...

На улице были видны прохожие - лица, посиневшие от холода, было видно, как они растирают задеревеневшие руки. Каждый спешит, каждый занят собственными делами, у каждого свои хлопоты, может быть, даже драмы, у каждого перед собой ближняя или дальняя цель... Кто знает: может быть, кто-то из них также замышляет преступные планы?

- Счет, пожалуйста!

Официантка подошла к столику, нацарапала какие-то цифры на краю бумажной скатерти, двигая при этом губами и время от времени бросая взгляд на черную доску, где мелом была проставлена стоимость различных блюд.

К себе на набережную Орфевр Мегрэ вернулся пешком, а минуту спустя, когда он склонился над стопкой рапортов, в его кабинет, постучав, вошел инспектор Люка. Они одновременно открыли рты, чтобы что-то сказать, но комиссар опередил:

- Надо послать кого-нибудь, чтобы освободить Фумеля. Отель „Ламбер“, улица Нев-Сен-Пьер.

Лучше всего подошел бы кто-нибудь из старых сотрудников, из „лейб-гвардии“ комиссара Мегрэ, как в шутку называли его ближайших сослуживцев. Может быть, Лорти? Или Лесер? К сожалению, оба заняты. Ну, значит, Барон? Пошлю его с соответствующими инструкциями.

- А что ты хотел мне сказать? Есть что-нибудь новое?

- Да. Инспектор Николя напал на след-Инспектор Николя имел такой невзрачный вид, что не обращал на себя ничего внимания, и именно поэтому его послали, чтобы покрутиться по Фонтеней-о-Роз и попробовать что-нибудь „вынюхать“. Он должен был разузнать, что делается у соседей Жозефа Резона, послушать, что говорят люди в близлежащих лавках, в гараже, где тот оставил свой автомобиль.

- Не знаю еще, шеф, имеет ли это какое-нибудь значение, но мне кажется, что за одну нить мы ухватились.

- Говори!

- Вчера вечером я узнал, что Жозеф Резон и его жена бывали у соседей.

Даже были дружны между собой. По вечерам вместе смотрели телевизор.

Когда одна из супружеских пар собиралась в кино, другая забирала к себе их детей. Фамилия тех Люссак, они немного моложе, чем Резон и его жена.

Рене Люссак - мужчина тридцати одного года, жена года на два-три моложе него. Она очень красива; у них ребенок, мальчик двух с половиной лет.

Придерживаясь ваших указаний, господин комиссар, я поинтересовался этим типом. Рене Люссак работает торговым представителем фирмы, производящей музыкальные инструменты. У него собственный автомобиль „форд-флорида“. Я наблюдал за ним, и, когда он после ужина вышел из дома и сел в свою машину, я направился за ним на моей. Он не знал, что я еду следом, если бы он меня заметил, мог бы легко ускользнуть. Остановился поблизости от Порт-Версаль и вошел в маленькое кафе „У друзей“. Забегаловка довольно скверная, приходят туда, по-видимому, окрестные мелкие торговцы, чтобы поиграть в белот.

Люссака уже ждали двое; они выглядели завсегдатаями, такими, что занимают всегда один и тот же столик. Мне стало интересно, что в этом месте будет делать Люссак. Ведь он живет под Парижем, значит, приезжает не затем, чтобы выпить кофе, а для того, чтобы договориться с кем-то.

Может быть, сыграть в карты?

- Ты вошел в это кафе?

- Да. Я был уверен, что он не заметил меня в Фонтеней-о-Роз, поэтому, появившись, я ничем не рисковал. Они все сидели за столом и, как будто ни в чем не бывало, играли в белот. Удивило меня только то, что они через определенное время посматривали на часы.

Ровно в половине десятого Люссак встал и направился к телефону.

Разговаривал минут десять. Я наблюдал за ним сквозь стекло телефонной кабинки. Сначала он набрал номер, сказал несколько слов, потом повесил трубку и ждал, не выходя из телефонной будки, чьего-то звонка. Значит, это был разговор не с местным абонентом, а с живущим в пригороде.

Когда после телефонного разговора он вернулся к столику, лицо у него было озабоченным. Сказал что-то своим партнерам, потом осторожно огляделся и дал им знак, чтобы играли дальше.

- А что это за люди - те, с кем он играл?

- Я вышел оттуда раньше и ждал их в машине. Подумал, что нет смысла следить за Люссаком, поскольку он наверняка вернется в Фонтеней-о-Роз.

Решил не спускать глаз с тех двух типов. Выбрал одного из них, на вид постарше. Оба были на своих машинах. Я поехал за одним из них на улицу Бэти, где он оставил свою машину в гараже, а сам направился на улицу де Понтье - это маленькая улочка за Елисейскими полями, он живет там в холостяцкой квартире. Как я узнал, его зовут Жорж Макань. Поискал эту фамилию в картотеке подвергавшихся тюремному заключению. Да, у него кое-что было на совести: два раза кража автомобилей, один раз в драке ранил человека. Может быть, это именно тот след, который мы ищем несколько дней? Может, он поведет нас дальше? В то кафе я уже больше не возвращался...

- И хорошо сделал. Я попрошу судебного следователя выдать ордер, а ты поедешь на телефонную станцию и пусть проверят, с кем вчера вечером разговаривал Рене Люссак. Без письменного разрешения они этого не сделают.

Когда инспектор Николя вышел, комиссар Мегрэ позвонил в больницу Божон. Не без труда удалось ему позвать к аппарату инспектора, дежурившего у дверей палаты, где находился Жозеф Резон.

- Ну, что там у тебя?

- Я как раз хотел позвонить вам, шеф. Мы послали за его женой. Минуту назад она приехала. Я слышу сейчас, как она плачет у его комнаты.

Секундочку. Вижу, как старшая медсестра выходит оттуда. Подождите у телефона.

До слуха Мегрэ доносились приглушенные голоса из больничного коридора.

- Алло! Так, как я и думал. Он умер минуту назад.

- И ничего не сказал?

- Даже не пришел в сознание. Жена в истерике бросилась на пол рядом с кроватью.

- Она заметила тебя?

- В том состоянии, в котором она находится, наверняка не видит никого и ничего.

- Она приехала на такси?

- Не знаю.

- Спустись вниз и жди у главного входа. Понаблюдай за ней на всякий случай. Может быть, она захочет вступить с кем-нибудь в контакт - лично или по телефону.

- Понятно, шеф.

Как знать, может, именно таким путем, установив номер телефона, удастся напасть наконец на след Фернана. Можно держать пари, что он укрывается где-то в деревне неподалеку от Парижа, может быть, в каком-нибудь из тех маленьких отелей, которые содержат бывшие проститутки или бывшие бродяги. Это было бы совершенно логичное предположение.

Если информация с телефонной станции ничего не даст, можно было бы еще объехать эти маленькие городки под Парижем, но это длилось бы долго и было бы довольно кропотливой

работой, особенно принимая во внимание, что Фернан - человек наверняка достаточно хитрый, чтобы часто менять укрытие - не исключено, что далее каждую ночь.

Мегрэ позвонил судебному следователю, занимавшемуся нападением на улице Лафайет, сообщил ему о том, что он узнал, пообещал составить письменный рапорт и прислать его следователю срочно, еще до его беседы с прокурором.

Он передал ему также, что машина, которой пользовались нападавшие, была найдена неподалеку от Порт-д'Итали. Как и следовало ожидать, она была краденой, и в ней не нашли ничего, что могло бы навести на какой-то след преступников, отсутствовали даже отпечатки пальцев.

Мегрэ был погружен в работу; он как раз редактировал свой рапорт, когда в дверь кабинета постучал старый судебный курьер Жозеф с известием, что генеральный директор Дворца правосудия просит его в свой кабинет. В первый момент Мегрэ подумал, что это по делу об убийстве Кюэнде, что его начальник каким-то чудом узнал о предпринятых им по собственной инициативе шагах и решил, что услышит пару неприятных слов за то, что сует нос не в свое дело.

Оказалось, что речь шла о чем-то совершенно новом: три дня назад вышла из дома и не вернулась дочь одного сановника. Семнадцатилетняя девушка тайком посещала драматические курсы и была статисткой в фильмах, которые еще не демонстрировались на экране.

- Родители желали бы избежать огласки, они не хотят, чтобы об этом узнали газеты. Выглядит, как маленький побег из дома, а это случается и в лучших семьях...

Мегрэ поручил поиски исчезнувшей девушки Лапуэнту, а сам вернулся в свой кабинет к прерванной работе.

В пять часов он ее кончил, встал из-за стола и пошел в отдел общей информации. Здесь царили тишина и покой, не было беготни, нервного движения, толкотни в коридорах. Дверь в кабинет начальника отдела Дане была оснащена замком, как у сейфа, а стеллажи в его комнате были снизу доверху заполнены персональными делами в зеленых переплетах.

- Можете вы мне сказать, - спросил Мегрэ, - известна ли вам фамилия Вильтон?
- А почему вы спрашиваете?
- Дело не совсем еще выяснено. Мне хотелось бы узнать подробнее об этом человеке.
- Он впутан в какую-нибудь неприятную историю?
- Не думаю.
- Вы имеете в виду Стюарта Вильтона?
- Да.

Так, значит, Дане знал этого человека - подобно тому, как знал всех более или менее значительных иностранцев, живущих в Париже постоянно или в течение долгого времени. Может быть, далее среди этих зеленых папок находилось и досье Вильтона, но Дане не сделал никакой попытки потянуться за ним.

- Это крупная рыба.
- Знаю. Очень богат, как мне сказали.
- Очень богат, это верно, и большой друг Франции. Живет здесь большую часть года. Выбрал себе именно Францию.
- Почему?
- Во-первых, потому, что ему нравится жить в Париже...
- А во-вторых?
- Второго пока нет. Быть может, вы интересуетесь им из-за какой-нибудь женщины?
- Интересуюсь, только... хм, косвенно. Вообще-то да, есть одна женщина, которая...

- Которая что?
- Он несколько раз был женат, правда?
- Трижды. И когда-нибудь наверняка женится снова, хотя ему уже седьмой десяток.
- Бабник?
- Несомненно.

Дане отвечал лаконично, как будто бы в претензии к Мегрэ, что тот вмешивается в дела среды, которой только он имел право заниматься.

- Этот человек возвращается только в самых высших кругах общества?

- Конечно.

- В каких отношениях он со своей бывшей женой?

- С которой из них?

- С той, что была танцовщицей. Насколько мне известно, ее зовут Флоренс.

- С Флоренс у него самые лучшие товарищеские отношения, впрочем, как и со всеми остальными его женами. Первая из них англичанка, дочь богатого пивовара, от нее у них сын. Она вышла замуж вторично и живет сейчас на Багамских островах.

- А вторая?

- Вторая была молоденькой актриской. С ней у него не было детей. Он жил с ней два или три года, а после развода отдал в ее распоряжение виллу на Ривьере, в которой она спокойно живет по сей день.

- А третьей, Флоренс, - дополнил Мегрэ, - подарил дворец.

Дане обеспокоенно наморщил брови.

- Так, значит, именно она вас интересует?

- Возможно. Я еще не знаю.

- До сих пор она не обращала на себя ничьего внимания. Но я не занимался личностью Вильтона с точки зрения его возможных прегрешений.

То, что я знаю о Флоренс Вильтон, - это только разрозненные факты, сплетни, которые носят в великосветских кругах Парижа.

- Больше вы о ней ничего не знаете?

- Она живет в недавно отреставрированном доме - в самом деле его можно назвать маленьким дворцом, - принадлежавшем ее бывшему мужу...

- На улице Нев-Сен-Пьер...

- Адрес верный. Я не уверен, принадлежит ли сейчас этот дом исключительно ей. Как я вам уже говорил, Вильтон всегда остается в хороших отношениях со своими бывшими женами. Он оставляет им драгоценности, меха, но сомневаюсь, чтобы он был так щедр, чтобы переписать на имя бывшей жены тот дом, о котором вы говорите.

- А чем занимается его сын?

- И он тоже проводит часть года в Париже, но живет тут меньше, чем отец. Занимается спортом, ездит кататься на лыжах в Швейцарию, Австрию, принимает участие в автогонках, в гребных состязаниях - в Англии, на Лазурном побережье, играет в поло...

- Так, значит, у него нет определенных занятий?

- Ему не надо работать. Он достаточно богат.

- Женат?

- Был, в течение года, на красивой манекенщице. Сейчас разведен. Но хватит расспросов, Мегрэ! Не знаю, ни куда вы клоните, ни что вас действительно интересует. У меня создалось

впечатление, что вы ведете со мной какую-то игру - кто кого перехитрит. Прошу только одного: не предпринимать никаких шагов, не посоветовавшись со мной. Говоря, что Стюарт Вильтон большой друг Франции, я хотел бы это особенно подчеркнуть. Не зря же его наградили орденом Почетного легиона. Он очень богат, а деньги держит и тратит у нас, во Франции. Словом, он принадлежит к людям, с которыми надо считаться. Его частная жизнь нас совершенно не касается, разве что он преступит закон - чего я совершенно в его положении не ожидаю. Если говорить откровенно, я бы не удивился, узнав, что он страдает какой-нибудь манией, извращением, даже чем-то вроде эротомании... Но это меня нисколько не касается, и вообще я не хотел бы об этом знать.

- А о его сыне вы не могли бы рассказать мне побольше?

- Только то, что в свое время его развод стал громким делом. Может быть, и вы что-то об этом слышали? Нет? Так вот, эта красивая манекенщица, Лида, на которой женился Вильтон-младший, если не ошибаюсь, венгерка, имела не самую хорошую репутацию... Стюарт Вильтон не одобрил его выбора. Несмотря на это, сын женился против его воли, а через некоторое время убедился, что жена изменяет ему с его собственным отцом.

Однако до скандала дело не дошло. В этих кругах таким делам не дают широкой огласки, все устраивается тайно, как и надлежит людям благовоспитанным. Только стало известно, что Вильтон-младший быстро развелся.

- А что сейчас делает эта Лида?

- Все произошло три года тому назад. Их фотографии появлялись в разных газетах. Позднее эта дама переходила из рук в руки. Ее видели всегда с важными господами, иногда с дипломатами, голос которых имел значение на международных форумах. В последнее время, если не ошибаюсь, она живет с каким-то итальянским князем в Риме. Вы это хотели узнать?

- Сам не знаю, что я хотел узнать.

Так и было на самом деле. Какое-то мгновение Мегрэ хотелось сыграть в открытую, рассказать все Дане как коллеге, но он подумал, что каждый из них видит это дело по-своему. И каждый из них вращается в своих кругах.

Комиссару Дане, чтобы раздобыть определенную информацию, достаточно пойти к знакомым на чашку чая в пять часов, зато комиссар Мегрэ должен в своих целях сидеть за столиком, накрытом бумажной скатертью, в какой-то забегаловке, куда приходят на свой скромный обед рабочие.

- Еще один, уже последний вопрос: Стюарт Вильтон сейчас в Париже?

- Если только не развлекается на Ривьере. Я могу проверить. Будет лучше, если я сам разужнаю, а не вы, Мегрэ!

- А Вильтон-младший?

- Если он в Париже, то всегда останавливается в отеле „Георг V" на Елисейских полях.

- Благодарю вас, Дане!

- Пожалуйста, помните: прошу быть осторожным!

- Обещаю!

Конечно, у комиссара Мегрэ не было намерения лично навестить Стюарта Вильтона и задавать ему щекотливые вопросы. Но в отеле „Георг V" ему ответят вежливо, хотя и не очень охотно.

Судебный следователь Кажу знал, что делал, когда дал газетам информацию, что убийство в Булонском лесу следует отнести к сведению личных счетов между представителями преступного мира. Интерес к такому преступлению угасает, в нем нет никакой сенсации, ничего такого, что могло бы разжечь человеческое любопытство.

Уровень заинтересованности читателей зависит от того, кто жертва, от способа, которым ее лишили жизни, а также от места, где было совершено преступление.

Если бы Кюэнде был убит, например, в каком-нибудь кабаре на Елисейских полях, сообщения появились бы на первых полосах газет с жирными заголовками. Но такой случай, как находка в Булонском лесу трупа никому не известного человека, не был чем-то чрезвычайным, и упоминание о нем не имело в себе ничего такого, что могло бы привлечь внимание людей, читающих газеты в метро.

Уголовник, рецидивист, не совершивший никакого громкого преступления, труп которого можно будет выловить в Сене и отметить это событие петитом в рубрике „Происшествия и кражи“, оставался только неизвестным, не стоящим того, чтобы его запомнить.

А ведь именно он, Кюэнде, так сильно заинтересовал Мегрэ, больше, чем Фернан и его банда, и поэтому с такой энергией комиссар принялся за распутывание этого дела на свой страх и риск, не имея официального указания.

В связи с нападением на улице Лафайет вся полиция была поставлена на ноги. По делу Кюэнде бедный инспектор Фумель, не имея в своем распоряжении ни автомобиля, ни даже уверенности, что ему вернут деньги, потраченные на такси, был обречен на поиск преступника в одиночку.

Ему придется отправиться на улицу Муфтар, произвести обыск в квартире старой Жюстины, задавая при этом ей разные вопросы, на которые она будет отвечать по-своему, наверняка стараясь вывернуться.

На всякий случай Мегрэ позвонил еще раз в прозекторскую, но вместо того чтобы обратиться к доктору Ламалю или кому-то из его ассистентов, пожелал поговорить с одним из работников лаборатории, которого знал давно и который не раз оказывал ему мелкие услуги.

- Скажите, Франсуа, вы были при осмотре тела Оноре Кюэнде, которого нашли в Булонском лесу?

- Конечно, присутствовал. А вам еще не прислали рапорт, господин комиссар?

- Следствие веду не я. Но мне хотелось бы знать результаты осмотра.

- Понимаю. Доктор Ламаль считает, что этому человеку нанесли по крайней мере десяток ударов по голове. Первый удар был нанесен сзади, в затылок, с такой силой, что основание черепа было расколото и смерть наступила мгновенно. А доктор Ламаль знает, что говорит. Он, конечно, не такой патологоанатом, каким был наш покойный доктор Поль, но и на его знания можно положиться.

- А следующие удары?

- Их наносили тогда, когда он был уже мертв. Голова и лицо совершенно изуродованы.

- Каким орудием нанесены эти удары?

- На эту тему у нас была длительная дискуссия. В конце концов врачи пришли к единодушному мнению: это не нож и не лом, не кастет и не разводной ключ, а значит, и не одно из орудий преступления, чаще всего встречающихся в подобных случаях. На сей раз это должен был быть предмет тяжелый, массивный, с острыми краями.

- Может быть, какая-нибудь статуэтка?

- Такую возможность приняли во внимание и отметили как одну из вероятных в рапорте.

- А удалось ли установить хотя бы приблизительно, в котором часу наступила смерть?

- Вероятнее всего, в два ночи. От половины второго до трех, но, пожалуй, ближе к двум.

- Крови он много потерял?

- Должны были не только остаться следы крови, но и мозг разлететься.

Его куски прилипли к волосам.

- Содержимое желудка исследовано?

- Вы знаете, что обнаружено? Остатки непереваренного шоколада.

Немного алкоголя, совсем немного, он едва начал всасываться в кровь.

- Благодарю вас, Франсуа. Не стоит говорить кому-нибудь о нашей с вами беседе, хорошо?

- Для меня так будет лучше.

Через полчаса Мегрэ позвонил Фумель.

- Я был у той старухи, шеф, и поехал с ней в прозекторскую. Предложил ей отвезти ее домой, но она отказалась, пошла одна в сторону метро.

- Ее квартиру ты обыскал?

- И не нашел ничего, кроме книг и журналов.

- Никаких фотографий?

- Плохонькие снимки мужа в мундире швейцарского солдата и увеличенный портрет Оноре, когда тот был еще ребенком.

- Никаких писем, записок? Ты просмотрел книги?

- Никаких. Этот человек не писал и сам не получал писем. Ни он, ни тем более его мать.

- Есть один след, которым стоит пойти при условии сохранения предельной осторожности.

Некий Стюарт Вильтон живет на улице Лонгшамп, у него собственный дом - не знаю только номер, - но, думаю, что ты без труда найдешь его. У него собственный „роллс-ройс" с шофером. Он наверняка время от времени ставит машину перед домом или держит ее в гараже поблизости. Постарайся заглянуть в машину и проверить, не лежит ли там меховая полость для ног. Такая странная меховая бурка из темно-серого меха, может быть, полосатого. Как шерсть кота.

- А что еще, шеф?

- Сын, Вильтон-младший, всегда останавливается в отеле „Георг V" на Елисейских полях. У него тоже собственная машина.

- Понимаю.

- Но это еще не все. Хорошо бы достать снимки одного и второго.

- Я знаю уличного фотографа, который работает как раз на Елисейских полях.

- Желаю успеха.

Следующий час Мегрэ провел у себя в кабинете, подписывая различные бумаги, а когда он вышел из здания полиции, то вместо того чтобы, как обычно, сесть в автобус, идущий в сторону дома, направился в район Сен-Поль.

Было по-прежнему холодно и мрачно, как и бывает в январе, фонари бросали туманный свет, а силуэты людей выглядели темнее, чем всегда, как если бы ранний парижский полусумрак размазал полутени.

В тот момент, когда Мегрэ сворачивал на улицу Сен-Поль, из-за угла послышался женский голос:

- Как дела, господин комиссар?

Это была Ольга, скромно одетая, в дешевой шубке, имитирующей котиковое манто. Мегрэ решил воспользоваться случаем и спросить ее кое о чем из того, что хотел узнать в другом месте. Она как будто свалилась с неба - это была особа, наиболее подходящая для того, чтобы ответить на те вопросы, которые его интересовали.

- Скажи мне, девочка: если тебе хочется выпить чего-нибудь горячего или просто согреться ночью, куда ты идешь? Какое заведение в этом районе открыто после полуночи?

- У „Леона".

- Это бар?

- Да. На улице Сент-Антуан, напротив метро.

- Ты встречала там когда-нибудь своего соседа?

- Швейцарца? Нет, ночью никогда. Правда, я видела его там несколько раз, но только днем.

- Он пил?

- Только белое вино.

- Благодарю.

На этот раз она бросила ему на прощание, притоптывая на месте, чтобы согреться:

- Желаю успеха!

С фотографией Кюэнде в кармане Мегрэ вошел в прокуренный бар и, встав у стойки, заказал стаканчик коньяка.

- Вы знаете этого человека?

Хозяин заведения вытер руки о фартук, прежде чем взять двумя пальцами фотографию и взглянуть в нее.

- А что он такого сделал? - спросил хозяин, прикидываясь наивным?

- Умер.

- Что, повесился? Самоубийство?

- Почему вы так думаете?

- Сам не знаю. Так как-то подумалось. Я его видел раза три-четыре...

Он редко сюда приходил. Нелюдимый, ни с кем никогда не разговаривал.

Последний раз...

- Когда это было?

- Точно не скажу. Может быть, в четверг, может быть, в пятницу, а может, и в субботу... Он всегда приходил после полудня, на минуточку, выпивал стаканчик вина у стойки и сразу уходил.

- Он пил только один стаканчик?

- Иногда два... Но никогда больше... Нет, выпивохой он не был. Таких я узнаю сразу, с первого взгляда...

- В каком часу он приходил в последний раз? После обеда? Или вечером?

- Поздним вечером, пожалуй, далее ночью... Минуточку. Моя жена уже пошла наверх, чтобы лечь... Должно быть, было уже далеко за полночь, может быть, половина первого, а может, и час...

- Как получилось, что вы так хорошо все помните?

- Прежде всего потому, что ночью сюда приходят только постоянные клиенты... Ну, случается иногда, что зайдет погреться шофер такси, если у него нет пассажиров... Или полицейский выпить стаканчик украдкой...

Приходила также одна пара - хорошо помню, они занимали вон тот столик в углу. А кроме этого... в зале никого. Я всегда за стойкой, должен наблюдать за кофеваркой... Тогда я не слышал даже, как он вошел.

Поворачиваюсь - а он стоит у стойки, опершись на нее локтями... Я немного удивился.

- Поэтому вы так хорошо и запомнили?

- И потому еще, что он спрашивал, нет ли у меня вишневки, но такой настоящей вишневки, сухой... Мало кто заказывает сухую вишневку... Я достал бутылку со второй полки - вон там, с немецкой этикеткой „Киш“.

Пожалуй, она ему нравилась, поскольку он сказал: „Должна быть хорошей!“

Минуту он подержал в руках стаканчик, чтобы напиток разогрелся, и пил его медленно, каждую секунду поглядывая на часы. Я видел, что он раздумывает не выпить ли еще, и, когда я пододвинул к нему бутылку, он не отказался. Видно было, что он пьет не потому, что ему хочется просто выпить, а потому, что ему хочется выпить именно вишневки.

- Он ни с кем не разговаривал?

- Только со мной.

- А те, что сидели в углу, не обращали на него внимания?

- Это влюбленные. Я хорошо их знаю. Они приходят сюда два раза в неделю, шепчутся, смотрят друг другу в глаза целыми часами...

- Они, наверно, вышли сразу за ним?

- Наверняка нет.

- Вам не бросилось в глаза, не ждал ли его кто-нибудь у бара? А может, за ним кто-то следил? Хозяин пожал плечами, как будто почувствовал личную обиду.

- С пятнадцати лет я сидку в этой дыре и подобного...

Это должно было означать, что если бы что-то необычайное и произошло, то он наверняка бы заметил.

Выйдя из бара, Мегрэ отправился в отель „Ламбер". На этот раз на месте портье сидела жена владельца. Она была более молода и привлекательна, чем комиссар мог бы допустить, зная ее мужа.

- Вы пришли по поводу номера 33, правда? Ваш человек наверху.

Мегрэ пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить пару, спускавшуюся по лестнице. От женщины пахло ночными духами, а мужчина отвернул лицо, сконфуженный.

Комната номер 33 тонула во мраке. Инспектор Барон сидел в кресле, придвинутом к окну. Ему, видимо, пришлось выкурить целую пачку сигарет, в комнате было темно от дыма.

- Есть что-нибудь новое?

- Эта дама вышла полчаса назад. Перед тем там была какая-то девушка с большой картонной коробкой, может быть, швея или портниха, или белошвейка, сам не знаю. Обе пошли в спальню, и я видел только тени на занавесках: сначала они двигались, потом были неподвижны, как если бы одна стояла, а вторая крутилась вокруг нее, может быть, примеряли платье.

На первом этаже свет был только в холле, лестница освещена вся, до второго этажа, в салоне налево зажжены только два бра и небольшая люстра сверху. В будуаре, находящемся справа от входа, горничная в темном платье, белом фартучке и наколке на голове занималась уборкой.

- Окна столовой и кухни выходят на противоположную сторону. Наблюдая за этими людьми, я невольно задаю себе вопрос: что же они делают целый день? Я насчитал по крайней мере три человека прислуги, которая крутится по дому и неизвестно чем занимается. Никто сюда не приходит, если не считать той портнихи. Девушка с картонной коробкой приехала на такси, а возвращалась пешком, уже без коробки. Парнишка из магазина принес какие-то свертки, а более крупные покупки привозит поставщик в фургончике. Все свертки - и большие, и маленькие - принимает лакей в передней, он никого не впускает даже в холл. Я должен до утра тут сидеть?

- Ты голоден?

- Немного, но до завтрака выдержу.

- Иди уж.

- Никто меня не подменит? Мегрэ пожал плечами.

- Можешь идти, - сказал он, запер дверь на ключ, сунув "его в карман.

Спустился вниз и сказал хозяйке гостиницы:

- Прошу не сдавать номер 33, пока я его не освобожу. И никому туда входить нельзя - ни горничной, ни вам, ни вашему мужу. Хорошо?

Выйдя на улицу, он издали заметил Ольгу, которая шла под руку с каким-то мужчиной, и приветливо ей улыбнулся.

VI

Усаживаясь за стол, он не знал ни того, что внезапный телефонный звонок вырвет его из уютной домашней атмосферы, ни того, что десятки людей, которые сейчас составляли себе планы на ближайший вечер, проведут эту ночь иначе, чем предполагали, и что все окна в здании на набережной Орфевр будут светиться до утра, так, как бывает в ночи больших тревог.

А обед был таким приятным, обстановка такой интимной, полной тонкого взаимопонимания между ним и женой. Он рассказал ей о великолепных поджаренных колбасках, которые ел в двенадцать часов в маленьком ресторанчике на улице Сент-Антуан. Они часто бывали вместе в таких маленьких заведениях, когда-то очень многочисленных. Типичные для Парижа, они находились почти на каждой улице, и их называли „Шоферскими бистро“.

Несмотря на столь скромное название, готовили там вкусно - в основном благодаря тому, что рестораторы происходили из провинции: из Оверни, Бретани, Нормандии, Бургундии, и не только сохраняли традиции своих кухонь, но и поддерживали контакты с родными деревнями, привозя оттуда копчености, колбасу, а иногда даже и деревенский хлеб...

Вспомнились ему и Кюэнде, и его мать: эти двое привезли на людную и шумную улицу Муфтар напевный акцент своей страны и своей деревни в кантоне Во вместе с характерными для швейцарцев спокойствием и медлительностью.

- Ты не знаешь, что сейчас со старой Жюстиной? Мадам Мегрэ, казалось, читала его мысли.

- Ты забываешь, что официально я занимаюсь только этим бандитским нападением на улице Лафайет и ничем больше. Бандитские налеты - серьезное дело, ведь они угрожают банкам, страховым обществам, крупным предприятиям. Гангстеры быстрее приспосабливаются ко времени, чем мы.

Он сказал это с легкой горечью. Ему вспомнилось, что еще только два года, и он должен будет уйти на пенсию. Мир меняется. Париж меняется, все меняется - люди и методы работы тоже. Разве он через какое-то время, даже еще до ухода на пенсию, висящую над ним как дамочков меч, не будет чувствовать себя в этом мире, который он уже не будет понимать, потерянным?

- Станный человек, - сказал он тихо, про себя, в то же время обращаясь к жене. - Ничто не указывало на то, что его постигнет такая судьба, а его мать совершенно не казалась обеспокоенной, когда я спросил ее, на что она будет жить - пробормотала только: „Я уверена, что он не оставит меня ни с чем...“ - и все.

Если она так уверена, что сын ее обеспечил, то как он это сделал? Что придумал? Какой способ изобрел?

В минуту, когда Мегрэ уже наслаждался десертом, зазвонил телефон.

- Может быть, я сниму трубку? - предложила жена. Но Мегрэ сорвался из-за стола с салфеткой в руке. Звонил Жанвье с набережной Орфевр.

- Довольно важная новость, шеф. Минуту назад звонил инспектор Николя.

Установлено, с кем вел телефонный разговор Рене Люссак из кафе „У друзей“.

- С кем?

- Вы ее хорошо знаете, господин комиссар. С Розалией Бурдон.

- С „прекрасной Розалией“?

- Да. Сейчас она живет в Корбейле, на берегу Сены, в собственной вилле.

- Что дальше?

- Я связался с бригадой полиции в Корбейле. Розалия Бурдон в настоящее время дома.

Розалия Бурдон... Еще одна из тех, кто целые часы проводил на набережной Орфевр. Хотя ей было уже далеко за сорок, может быть, даже около пятидесяти, она все еще была аппетитная, пухлая, розовая, а выражения ее были такими же сочными и красочными, как и раньше...

Свою карьеру она начала в юном возрасте как девушка легкого поведения. Ее районом была тогда площадь Терн. В возрасте двадцати лет она уже содержала дом свиданий, в котором бывали самые элегантные мужчины Парижа.

Потом открыла на улице Нотр-Дам-де-Лорет ночное кабаре с довольно неожиданным названием: „Шпицрутен“.

Последним любовником Розалии, большой любовью ее жизни, был некий Пьер Сабатини, корсиканец, отъявленный бандит, приговоренный к двадцати годам каторжных работ за то, что в баре убил в драке двух человек из конкурирующей банды марсельцев.

Сабатини оставалось отсидеть еще два года в тюрьме Сен-Мартен-де-Ре.

Во время его процесса Розалия была взволнована, а когда объявили приговор, сделала все возможное, чтобы получить разрешение на брак с любовником.

В свое время это было громкое дело, о нем писали все газеты. Розалия утверждала, что беременна. Некоторые считали, что она решила иметь ребенка от первого встречного, чтобы вступить в брак с любимым.

А когда из министерства пришел отказ, Розалия перестала ссылаться на свое будущее материнство, притихла, поселилась постоянно в Корбейле, откуда регулярно высылала письма и посылки в тюрьму Сен-Мартен-де-Ре.

Каждый месяц она отправлялась на расположенный в Атлантике остров Ре, где с нее не спускали глаз, опасаясь, что она будет пытаться облегчить побег любовнику.

А именно там, в Сен-Мартен-де-Ре, Пьер Сабатини сидел в одной камере с Фернаном.

- Я приказал наблюдать за виллой в Корбейле, - сказал Жанвье. - Там по очереди дежурят несколько человек.

- Что еще говорил инспектор Николая?

- Просил передать вам, что едет в кафе „У Версальских ворот“. Из того, что он узнал вчера, следует, что Люссак каждый вечер встречается с приятелями именно там. Он хочет прийти туда раньше их, чтобы не обращать на себя внимания.

- Люка еще в конторе?

- Вернулся минуту назад.

- Скажи ему, чтобы сегодня ночью он имел под рукой десяток людей. Я перезвоню тебе через несколько минут.

Он позвонил в прокуратуру. Застал там только дежурного вице-прокурора.

- Я хотел бы поговорить с прокурором Дюпон Д'Астье.

- Его сейчас нет.

- Я знаю. Но мне необходимо переговорить с ним по очень срочному делу. Речь идет о недавнем бандитском нападении. И несомненно, что с этим делом связана личность Фернана.

- Я постараюсь его найти. Вы на набережной?

- Нет, у себя дома. Он назвал свой номер телефона.

С этой минуты события следовали одно за другим с молниеносной быстротой.

Едва Мегрэ закончил десерт, снова зазвонил телефон. Это был прокурор Дюпон Д'Астье.

- Мне передавали, что вы арестовали Фернана. Это правда?

- Еще нет, господин прокурор, но у нас есть шанс арестовать его сегодня ночью.

Он кратко сообщил прокурору, как представляет себе ситуацию.

- Приезжайте ко мне в кабинет как можно быстрее. Я сейчас на ужине у друзей, но сразу же выхожу и еду во Дворец. Вы связались с Корбейлем?

Мадам Мегрэ уже приготовила чашку очень крепкого черного кофе, а через минуту она вынула из буфета бутылку абрикосовой настойки.

- Смотри, чтобы не простудился. Думаешь, тебе придется ехать в Корбейль?

- Было бы странно, если бы мне предоставили такую возможность.

Он не ошибся. Во Дворце правосудия, в одном из обширных прокурорских кабинетов собрались уже все: не только прокурор Дюпон Д'Астье, еще в смокинге, но и судебный следователь Лекай, принесший досье Фернана и материалы о недавнем грабительском нападении, а также комиссар Буффе, один из старых коллег Мегрэ из другого комиссариата, с улицы Соссэ.

Буффе был высокий, тучный и плечистый мужчина с румяной кожей и с как бы всегда заспанными глазами, что не мешало ему быть полицейским, возбуждающим страх в преступном мире.

- Садитесь, Мегрэ, и расскажите нам подробно, как вам представляется это дело.

Перед выходом из дома Мегрэ провел еще одну краткую беседу по телефону - с инспектором Жанвье.

- Я ожидаю самую важную информацию с минуты на минуту. Но уже сейчас могу утверждать, что на вилле Розали Бурдон в Корбейле в течение нескольких дней скрывается какой-то мужчина.

- Его видели ваши люди? - спросил Буффе. Голос у него был писклявый, как у маленькой девочки, и это чрезвычайно контрастировало с ростом и фигурой.

- Пока нет. Им сказали соседи, что у нее кто-то есть, а описание почти соответствовало приметам Фернана.

- Вилла окружена?

- На определенном расстоянии, чтобы не вызывать тревоги.

- Там несколько выходов?

- Может быть, и несколько, но дело не в этом. Дело в том, что обнаружены и другие нити. Как я уже сообщил по телефону господину прокурору, Рене Люссак являлся другом Жозефа Резона, того участника нападения, который был смертельно ранен на улице Лафайет. Они жили дверь в дверь в Фонтеней-о-Роз.

Этот самый Люссак бывает в компании двух приятелей в кафе неподалеку от Версальских ворот. Кафе называется „У друзей". Вчера вечером они играли там в карты, а ровно в половине десятого Люссак вошел в телефонную будку и попросил телефонистку соединить его с Корбейлем.

Существует предположение, что третий постоянно находится в тесном контакте со своим шефом. Если и сегодня вечером они встретятся в том самом месте - а я буду иметь сообщение с минуты на минуту, как раз ожидаю звонка, - мы должны будем принять решение сейчас же.

Раньше Мегрэ решил бы все сразу, один, на свою ответственность, не было бы необходимости созывать „военный совет" на территории прокуратуры. Разве что если бы речь шла о какой-нибудь крупной политической афере.

- Опираясь на показания одного из свидетелей, я думаю, что в тот момент, когда было произведено нападение на кассира на улице Лафайет, в кафе напротив сидел Фернан и наблюдал

за происходящим. Двое нападавших вскочили в машину и удрали, оставив третьего. Им достался чемоданчик, в котором находилась крупная сумма денег. Маловероятно, что Фернан смог увидеться с кем-нибудь из своих приятелей, тем более что один из них умер в больнице из-за полученной раны.

Если это он укрывается у „прекрасной Розалии“, то значит, что он укрылся у нее в тот самый день, когда и произошло нападение, и что из своего укрытия он каждый вечер дает по телефону инструкции своим приятелям из кафе „У друзей“.

Буффе слушал с сонным выражением лица. Мегрэ знал, что его коллега из отдела общественной безопасности оценивает это дело так же, как и он, предвидит все возможные события и предстоящие опасности. Если Мегрэ излагал дело со всеми подробностями, то делал это исключительно для господ из прокуратуры.

- Раньше или позже кто-нибудь из сообщников должен будет привезти Фернану всю или по крайней мере часть захваченной суммы. Если бы их при этом задержали, мы располагали бы, конечно, неопровержимыми доказательствами их вины. Ожидание не должно продлиться больше, чем несколько дней. Тем временем Фернан может подыскать другое укрытие, и, несмотря на то что вилла окружена, может ускользнуть из наших рук, просочившись между пальцами. С другой стороны, если встреча этих трех человек, как и вчера, состоится, мы можем задержать всех одновременно: их здесь, а Фернана в Корбейле.

Зазвонил телефон. Секретарь подал трубку Мегрэ.

- Это вас.

Звонил Жанвье, который исполнял роль связного.

- Они здесь, шеф. Что вы решили?

- Сообщи тебе через несколько минут. Пошли кого-нибудь из наших людей в Фонтеней-о-Роз. Когда он прибудет на место, пусть тебе позвонит.

- Понял.

Мегрэ положил трубку.

- Какое решение, господи?

- Не рисковать, - произнес прокурор. - Ждать, пока появятся доказательства. Ведь должны же они появиться в конце концов, правда?

- Они наймут лучших адвокатов, сами откажутся от показаний и наверняка позаботятся о железном алиби.

- Но если мы не арестуем их сегодня вечером, то рискуем, что не задержим их никогда.

- Я беру на себя Корбейль, - сказал Буффе.

Мегрэ не мог протестовать, даже если бы хотел. Пригородный сектор не принадлежал ему, он был в сфере службы общественной безопасности.

Судебный следователь спросил:

- Вы думаете, они могут стрелять?

- Если у них будет такая возможность, они наверняка ею воспользуются, но мы постараемся не допустить этого.

***

Несколько минут спустя Мегрэ вместе с тучным плечистым комиссаром с улицы Соссэ оказались в ином мире: достаточно было просто пройти коридор, отделяющий Дворец правосудия

от следственного отдела уголовной полиции. Тут уже царило оживление, как перед важной битвой.

- Стоило бы перед тем, как атаковать виллу в Корбейле, разузнать, звонил ли он сегодня в половине десятого...

- Верно. Лучше, однако, быть там раньше, чтобы все подготовить.

На темном холодном дворе уже стояла с включенным двигателем машина с рацией, а большой грузовик был полон ожидавших полицейских. Комиссар полиции из шестнадцатого района должен был находиться со своими людьми поблизости от Версальских ворот.

В кафе „У друзей" посетители беседовали о своих делах; некоторые играли в карты, и никто не обращал внимания на невзрачного инспектора Николя, погруженного в чтение газеты.

В определенный момент инспектор встал, подошел к телефону и лаконично сообщил:

- Все в порядке.

Это значило, что трое людей находятся здесь, так же как и вчера, а Рене Люссак регулярно посматривает на часы, чтобы не опоздать со звонком в Корбейль.

А там, вокруг виллы, два окна которой на первом этаже были освещены, стояли укрытые в зарослях наблюдатели, замерев над покрытыми льдом лужами.

Телефонная станция, заранее предупрежденная, ждала соответствующего соединения. Инспектор был готов записать предстоящий разговор на магнитофонную ленту. В половине десятого он сообщил:

- Люссак из телефонной будки позвонил в Корбейль. Трубку подняла Розалия.

- Ну, и как там? - спросил Люссак.

- Хорошо, ничего нового.

- Жюлю не терпится.

- А что такое?

- Он хочет уехать.

- Подожди у телефона.

Она положила трубку и через некоторое время вернулась.

- Он говорит, что надо еще подождать.

- Почему?

- Так надо - и все!

- Здесь уже обращают на нас внимание.

- Подожди еще минутку.

Она снова положила трубку. Вернувшись, добавила:

- До завтра. Завтра получишь сообщение. Буффе позвонил Мегрэ из Корбейля.

- Ну и что?

- Люссак позвонил им. Говорила с ним женщина. Советовалась с кем-то, кто находился в той же комнате. Сказал, что какому-то Жюлю, который наверняка принадлежит к их банде, не терпится.

- Едем туда?

- В четверть одиннадцатого.

Следовало организовать обе акции так, чтобы они произошли одновременно, и не допустить того, чтобы какой-то из пташек каким-то чудом удалось упорхнуть.

Мегрэ давал последние инструкции инспектору Жанвье.

- Если позвонит кто-то из Фонтеней-о-Роз, надо будет тотчас задержать жену Люссака и привезти ее сюда.

- А что с женой Резона?

- Пока ничего. Ее не трогать.

Мегрэ сел в машину с рацией, которая сейчас же отъехала. Немногочисленные прохожие на авеню де Версаль удивлялись, видя такое оживленное движение на обычно спокойной улице. Какие-то люди двигались у домов, вполголоса беседуя между собой, другие появлялись и исчезали в темноте, как по мановению волшебной палочки. Мегрэ находился в постоянном контакте с комиссаром полиции из шестнадцатого округа и вместе с ним обговаривал дальнейшие шаги.

И на этот раз на выбор были два варианта. Первый основывался на том, чтобы выждать момент, когда все три игрока, за которыми наблюдали издали через окна кафе, выйдут и сядут в свои автомобили, стоявшие поблизости, так же, как и вчера. Это было бы самым простым выходом, но и самым рискованным. Когда эти люди окажутся на улице, они обретут свободу движений и, значит, смогут стрелять. Воспользовавшись замешательством, кто-нибудь из них может вскочить в машину, дать газ и исчезнуть.

- Есть ли в этом кафе второй выход?

- Вторые двери ведут во двор, окруженный высокой стеной, которую трудно было бы перескочить. Устройство засады потребовало бы какой-нибудь четверти часа, и посетители кафе не успели бы ничего заметить.

Полицейские в штатском, выглядевшие, как жители этого дома, укроются во дворе. Трое других, с лицами, как у любителей хорошего вина, войдут в кафе и усядутся за столиком поблизости от играющих в карты.

Мегрэ ежеминутно поглядывал на часы, как начальник генерального штаба В четырнадцать минут одиннадцатого Мегрэ вошел в кафе „У друзей“. Он был в темном пальто и в теплом шерстяном шарфе на шее, правую руку держал в кармане пальто.

Ему надо было пройти не более двух метров. Игравшие не успели даже подняться из-за столика. Он встал перед ними и сказал вполголоса:

- Не двигаться. Руки держать на столе. Вы окружены. Секунду спустя к Мегрэ подошел инспектор Николя.

- Надень им наручники. Всем троим.

Один из игроков молниеносно вскочил, перевернув столик. Раздался звон разбиваемого стекла. Но два инспектора задержали его у выхода.

Мегрэ обратился к остальным посетителям кафе:

- Прошу ничего не опасаться и сохранять спокойствие! Это обычная полицейская операция.

Четверть часа спустя все трое оказались в полицейской машине и были перевезены на набережную Орфевр.

Позвонили из Корбейля. В трубке раздался писклявый голос толстого Буффе.

- Мегрэ? Все кончено.

- Без хлопот?

- Не совсем. Дошло до стрельбы. Один из моих людей ранен в руку.

- А женщина?

- Бросилась на меня с ногтями. Все лицо мне исцарапала. Приезжаю с ними через четверть часа. Телефон не умолкал.

- Так точно, господин прокурор. Мы задержали уже всех. Нет, я еще никого не допрашивал. Поместил каждого от дельно и жду тех двоих из Корбейля, которых должен привезти Буффе.

- Советую быть осторожным. Мы должны помнить, что они будут жаловаться, что полиция обращалась с ними жестоко.

- Так точно, господин прокурор...

У Мегрэ не было намерения допрашивать их сразу. Пусть пока обмякнут.

Он ждал жену Люссака.

Ее привезли только в одиннадцать вечера, поскольку инспектор застал ее спящей и должен был дать немного времени, чтобы она могла привести себя в порядок и одеться.

Это была маленькая, худенькая брюнетка, довольно красивая, лет двадцати пяти, очень бледная. Губы ее были плотно сжаты. Она не притворялась „оскорбленной невинностью“.

Мегрэ попросил ее сесть к столу напротив себя. Жанвье с блокнотом в руках вел протокол.

- Вашего мужа зовут Рене Люссак, и он работает торговым представителем?

- Да.

- Ему тридцать один год. Давно вы женаты?

- Четыре года.

- Ваша девичья фамилия?

- Жаклина Бодэ.

- Родилась в Париже?

- В Орлеане. Я приехала в Париж к тетке, когда мне было шестнадцать лет.

- Чем занимается ваша тетка?

- Она акушерка. Живет на улице Нотр-Дам-де-Лорет.

- Где вы познакомились с Рене Люссаком?

- В фирме, где я работала продавщицей.

- Что это была за фирма?

- Магазин музыкальных инструментов и грампластинок... Где он, господин комиссар? Скажите, что с ним случилось? С тех пор, как Жо...

- Вы говорите о Жозефе Резоне?

- Да. Жозеф и его жена самые близкие наши друзья. Мы живем в одном доме.

- Мужчины часто уходили вместе?

- Бывало. Иногда. С тех пор, как Жозеф умер...

- Вы опасаетесь, как бы нечто подобное не произошло с вашим мужем?

- Где он?

- Здесь.

- Жив?

- Да.

- Ранен?

- Чуть-чуть не был ранен, но с ним ничего не случилось.

- Я могу с ним увидеться?

- Не сейчас.

- Почему?

Он усмехнулся с горечью.

- Какая я глупая, что задаю вам подобные вопросы! Я догадалась, что вы хотите узнать и почему меня допрашиваете. Вы думаете, что женщина быстрее проболтается, чем мужчина, правда?

- Фернан арестован.

- Кто это Фернан?

- Вы действительно не знаете?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

- Правда. Мой муле никогда не упоминал этого имени. Я знаю только, что существовал кто-то, кто отдавал им приказы.

Она вытащила из сумочки носовой платок, но, пожалуй, только для вида, глаза у нее были сухими.

- Я давно боялась за него. Умоляла, чтобы он не имел ничего общего с такими типами. У него неплохая работа зарабатывает, правда, не так много, но нам как-то хватало. Мы бывали так счастливы. Что мне еще было надо? Пока он не встретился с тем человеком...

- Когда это произошло?

- Где-то полгода назад... Зимой... Нет, в конце лета... Хорошо, что все это наконец кончилось, я не буду так дрожать за него...

Она была усталой, немного растерянной и с трудом приводила мысли в порядок.

- Одно я утверждаю с полной уверенностью: Рене не стрелял!

- Откуда вы знаете? Почему вы так в этом уверены?

- Потому, что я его знаю. Он не был на это способен. Дал себя втянуть в авантюру, не отдавая себе отчета, как это опасно...

- у него были деньги?

- В определенное время я заметила, что он приносит домой больше денег, чем я рассчитывала. И вечером он уходил чаще, чем раньше, почти всегда в компании Жозефа Резона. Как-то я нашла у него в шкафчике оружие...

- И что он вам на это сказал?

- Сказал, что мне нечего бояться, что через пару месяцев мы сможем жить на Ривьере и у нас не будет никаких материальных забот. Он хотел открыть собственный магазин, где-то в Каннах или Ницце...

Теперь она уже не притворялась и плакала по-настоящему - В основном дело касалось того автомобиля... Ему страшно хотелось иметь машину дорогой марки, „флориду"... Подписал векселя... Их надо было оплачивать в установленные сроки. Как только он узнает, что это я все разболтала, он рассердится. Может быть, даже бросит меня, разведется со мной...

Из коридора слышались приближающиеся шаги и писклявый голос Буффе.

Мегрэ подал знак инспектору Жанвье, чтобы он проводил жену Люссака и велел ей подождать в соседней комнате. Открыл дверь в коридор и увидел, как трое мужчин толкают перед собой здоровенного типа в наручниках.

Верзила исподлобья смотрел на комиссара, хмуро и вызывающе.

- А где та женщина? - спросил Мегрэ - В другом конце коридора. О, это сокровище! Царапается и кусается.

Хуже, чем он!

- Подойди поближе, Фернан!

Буффе вошел вместе с ним в кабинет Мегрэ, два инспектора остались в коридоре. Арестованный огляделся вокруг и бросил с иронией:

- Мне кажется, что я уже был здесь когда-то! К нему явно вернулась наглость.

- Наверное, вы снова хотите докучать мне глупыми вопросами. Так уже было один раз, я помню. Предупреждаю сразу не буду отвечать ни на один.

Я имею на это право?

- Кто твой адвокат?

- Тот же, что и всегда, адвокат Гамбье.

- Хочешь, чтобы его сюда пригласили?

- Зачем? Мне он не нужен. Если вам хочется вытащить его из постели в это время...

Всю ночь на набережной Орфевр было усиленное движение: инспектора хлопали дверями, бегали по коридору, стучали пишущие машинки, непрерывно звонили телефоны. Прокуратура хотела иметь сведения о том, как идут дела, судебный следователь тоже.

Швейцар занялся приготовлением кофе.

Мегрэ встретил одного из своих сотрудников в коридоре.

- Ну и что? Чего-нибудь от него добились?

- Нет. Заупрямился и молчит.

Ни один из трех задержанных в кафе „У друзей" не знал Фернана. Они твердо стояли на этом Видимо, договорились заранее, чтобы молчать до конца.

А когда прокрутили магнитофонную ленту и запись телефонного разговора, который Рене Люссак вел с Корбейлем, сказали:

- Каким образом это нас касается? У Рене в Корбейле девушка, что плохого в том, что он хотел поговорить с ней? А Рене Люссак отвечал:

- Может быть, у меня есть любовница, ну и что? Нельзя?

Была устроена очная ставка жены Люссака с Фернаном.

- Вы знаете этого человека?

- Не знаю.

- А я что говорил! - обрадовался арестованный. - Эта женщина никогда меня в глаза не видела! Ведь я столько лет провел в тюрьме, и где - на острове Ре! А она там никогда не была!

- Когда вас выпустили из тюрьмы?

- Годом раньше, чем следовало, и один приятель дал мне адрес своей бабы, он сказал, чтобы я спокойно шел к ней, она наверняка не откажет мне в крыше над головой и в еде... Ну и жил я у нее, как у Христа за пазухой...

Адвокат Гамбье, предупрежденный по телефону, появился в час ночи и в защиту своего клиента засыпал всех цитатами из Уголовного кодекса.

Согласно новой процедуре, в уголовных делах нельзя было задерживать подозреваемых более чем на двадцать четыре часа, после чего дело должно было перейти в руки прокурора и судебного следователя под их полную ответственность...

Следующая очная ставка - Рене Люссака с женой - не дала никаких результатов.

- Скажи им правду.

- Какую правду? Что у меня есть любовница?

- А оружие?..

- Один приятель одолжил мне свой пистолет. Ну и что из этого? Я часто бываю в поездках, один на пустынных дорогах, ночью, лучше иметь такую хлопушку в кармане, чтобы в случае чего...

Ранним утром на набережную Орфевр привезли свидетелей нападения на улице Лафайет: официантов и кассиршу из кафе напротив, нищего, полицейского в штатском, который стрелял, и случайных прохожих.

Был произведен тщательный обыск в квартире всех трех арестованных в надежде, что в какой-нибудь из них обнаружится чемоданчик ограбленного кассира.

Все это шло своим чередом, согласно установленному шаблону полицейского следствия.

- Мадам Люссак может вернуться домой, - сказал Мегрэ. - Предупреждаю, однако, что вы будете находиться дома под постоянным надзором полиции.

Сгорбленная, угнетенная, она смотрела перед собой остекленевшими глазами, как бы не понимая, где находится.

В то время, пока инспектора допрашивали арестованных, окружив их перекрестными вопросами, Мегрэ решил немного проветриться.

Утро было холодным, шел снег. Комиссар зашел в первое попавшееся открытое в это время кафе и, стоя у стойки, выпил две чашки горячего кофе, похрустывая рогалями.

Когда он вернулся к себе в кабинет, было уже семь часов. Он чувствовал себя усталым, глаза отекали, веки горели.

В кабинете его ждал инспектор Фумель, что очень удивило Мегрэ.

- Неужели и у тебя есть для меня какие-нибудь новости?

- Есть, шеф!

- Ну, говори!

Фумель, волнуясь, начал рассказывать:

- В эту ночь я был на дежурстве. Смотрел, что происходит на авеню де Версаль, но одновременно держал телефонную связь с коллегами из других комиссариатов. У всех есть фотография Кюэнде, я давал им ее с мыслью, что не сегодня завтра из этого что-нибудь да выйдет... Когда я разговаривал с комиссаром Буффе из тринадцатого, то напомнил ему об этом типе. А он ответил, что как раз хотел мне по этому поводу позвонить. Он сотрудничает с инспектором Лоньоном, который при виде фотографии Кюэнде буркнул что-то себе под нос и сразу сунул ее в карман. Видимо, это лицо ему кого-то напомнило. Я начал собирать информацию о разных маленьких барах и ресторанчиках в районе площади Константен-Пекер и улицы Коленкур. Вы знаете Лоньона, господин комиссар, знаете, что если он что-то вобьет себе в голову, то будет держаться этого и не уступит.

Наконец ему удалось попасть в десятку: в одном таком маленьком баре под названием „Ла-Режанс“, на улице Коленкур, сразу узнали Кюэнде. Ему сказали, что он тут часто бывал с одной женщиной.

- Часто там бывал... - повторил Мегрэ в задумчивости. - А с каких пор?

- Поразительно! Кажется, года два.

- Они что-нибудь знают об этой женщине?

- Официант не знает ее фамилии, но говорит, что она должна жить где-то поблизости, может быть, в каком-нибудь из соседних домов, поскольку видит ее через окно каждое утро, когда она выходит из дома за покупками.

В следственном отделе внимание всех было сконцентрировано на личности Фернана и его приятелей. В коридоре опять роились свидетели, которым по очереди показывали каждого из задержанных. Напряженная работа не прекращалась, а пишущие машинки стучали непрерывно, записывая показания.

Инспектору Фумелю было не по себе среди всей этой кутерьмы. Он стоял в коридоре, держа в пожелтевших от никотина пальцах сигарету и курил ее с такой рассеянностью, что не чувствовал, как окурки обжигают ему губы.

Он один не забыл о том тихом, спокойном швейцарце, труп которого видел в Булонском лесу, личностью которого интересовался комиссар Мегрэ.

Никто уже об этом человеке не помнил. Так, словно дело о его убийстве было бы раз и навсегда погребено. Разве судебный следователь Кажу не был убежден, что не стоит им заниматься? Он предрешил все одним ударом уже в самом начале, авторитетно заявив: „Сведения личных счетов представителями преступного мира...” Он не знал ни старой Жюстины с улицы Муфтар, ни гостиницы „Ламбер”, ни маленького дворца напротив...

- Устал, Фумель?

- Не очень.

- Выйдем вместе, хочешь?

Мегрэ говорил с Фумелем таким доверительным тоном, как если бы он был учеником, который предлагает приятелю вместе прогулять уроки.

- Когда приедем на место, будет уже светло...

Оставив соответствующие инструкции своим людям, Мегрэ вышел на набережную Орфевр. Он задержался на углу улицы, купил сигарет, после чего отправился в компании прозябшего до мозга костей инспектора Фумеля на остановку, чтобы подождать автобус, идущий в направлении Монмартра.

VII

Инспектор Лоньон догадывался, что комиссар Мегрэ придает большее значение отысканию убийцы какого-то там безымянного человека в Булонском лесу, чем грабительскому нападению на улице Лафайет и банде гангстеров, хотя об этом шумели все газеты, - только не знал, почему.

Но если это так, как он предполагает, то почему комиссар Мегрэ не ухватился за нить, которая могла привести его к клубку? Кто знает, как далеко он продвинулся в поисках правды? А ведь известно, что Мегрэ - это человек, одаренный необыкновенным нюхом, умеющий идти к цели упорно, настойчиво, дерзко, жаждущий выиграть любой ценой!

Может быть, это только Лоньона преследует судьба - ведь ему не удалось до сих пор ничего добиться. А мог бы ведь и он наконец получить повышение. Он подумал с горечью: неужели его судьба остаться до конца карьеры только инспектором, таким же вечным инспектором, как Фумель? Тот из шестнадцатого, а Лоньон из тринадцатого. Фумеля бросила жена - уехала, не оставив адреса. Жена Лоньона постоянно прихварывает уже лет пятнадцать.

В деле Кюэнде, может быть, и сам Лоньон немного виноват: не проследил как следует за всем. Занятый другими делами, он передал его коллеге, который не придавал ему слишком большого значения. Только раз поговорил он с Фумелем по телефону, и то случайно. Но имеет ли это какое-нибудь значение?

Снег шел крупными хлопьями, он лежал на тротуаре довольно толстым слоем, но быстро таял.

Автобус был переполнен, в нем было жарко. Большинство пассажиров молчало. Одни глядели в окно, другие оцепенело смотрели перед собой. На поворотах они невольно наклонялись то вправо, то влево.

- Ничего не узнал о мехе? - внезапно спросил Мегрэ.

Фумель, погруженный в свои мысли, вздрогнул и повторил последнее слово, как если бы в первое мгновение не понял.

- О мехе?

- О мехе дикого кота для прикрывания ног в автомобиле?

- А, правда. Я заглядывал в автомобиль Стюарта Вильтона. Ничего подобного там не было. Прекрасная машина! Не только с печкой, но и с кондиционером. И, кажется, есть даже бар. Так мне сказали в его гараже.

- А в автомобиле его сына?

- Он обычно ставит свою машину перед отелем „Георг V". Я заглянул внутрь. Никакой полости для ног тоже нет.

- Ты знаешь, где он заправляется бензином?

- У ближайшей бензоколонки, на улице Марбеф.

- Ты был там?

- Еще не успел.

Автобус остановился на улице Конгантен-Пекер. В такое раннее время тут почти совершенно пусто. Еще не было восьми часов утра.

- Кажется, это здесь „Ла-Режанс".

Это была старомодная пивная, каких все меньше оставалось в Париже. С мраморной стойкой, с местом для кассирши возле нее, с зеркалами на стенах, с металлическими колечками вместо вешалки. Фирменным блюдом заведения, как сообщали вывески, было шакрю гарни.

Внутри уже светло, официант сгребал в совок мусор с пола.

- Ты что-нибудь ел? - спросил Мегрэ.

- Еще нет, - ответил Фумель.

Фумель заказал себе кофе и булочку с маслом, Мегрэ же, который этой ночью и с самого утра выпил много кофе, - стаканчик коньяку.

Странная пора... Уже не ночь, но еще и не день. Сквозь окно видны спешащие в школу дети. Они наклонялись, брали снег в руки, пробовали лепить снежки, но он таял в них на ладонях.

- Скажите... - обратился Мегрэ к официанту.

- Слушаю вас.

- Вы знаете этого человека?

Официант довольно долго вглядывался в комиссара, как бы с усилием стараясь припомнить, откуда он знает это лицо - Господин Мегрэ... господин комиссар Мегрэ, правда? Припоминаю. Вы уже бывали у нас - довольно давно, кажется, года два назад, вместе с инспектором Лоньоном.

Он с готовностью и усердием рассматривал фотографию.

- Да, этот господин сюда приходит. Не один. Всегда с одной такой... шляпницей.

- Что значит „шляпницей"?

- А она носит каждый раз новую шляпу, и все какие-то смешные. Чаще всего они приходят вместе поужинать, садятся вон там, в уголке. Она обожает шакрю. Они никогда не торопятся, сидят долго, попивают кофе, иногда заказывают рюмку коньяку. Смотрят в глаза друг другу или дергаются за руки. Оба очень симпатичные.

- Давно они к вам приходят?

- О, уже пару лет. Сам даже не помню, с какого времени.

- Она, наверное, живет где-нибудь поблизости?

- Меня уже спрашивали. Я вижу ее каждое утро, когда она с сеткой выходит за покупками. Наверняка живет на этой улице.

Почему Мегрэ был так доволен, что ему удалось раскрыть присутствие женщины в жизни Оноре Кюэнде?

Полчаса спустя он в сопровождении Фумеля входил в первый от угла дом.

Консьержка в своей комнате сортировала письма жильцам.

- Вы знаете этого человека?

Она рассматривала фотографию сосредоточенно и через минуту отрицательно покачала головой.

- Кажется мне, что я где-то его видела, но не могу сказать, что его знаю. Во всяком случае, сюда он не приходил - А может быть, здесь живет... может быть, среди ваших жильцов есть женщина, которая часто меняет шляпки?

Консьержка посмотрела на Мегрэ с удивлением, пожала плечами и пробормотала себе под нос что-то, чего он не слышал.

Точно также во втором и третьем домах поиски не увенчались успехом.

В четвертом, в то время, когда они вошли, консьержка бинтовала мужу руку, которую он повредил, вынося мусорные баки.

- Вы знаете этого человека?

- А что?

- Он живет в вашем доме?

- Живет, не живет - трудно сказать. Приходит к даме с шестого этажа.

- Какой даме?

- К модистке. Мадемуазель Эвелине.

- А мадемуазель Эвелина здесь давно живет?

- О, лет десять - двенадцать. Она уже жила тут, когда я сюда переехала.

- А он тогда бывал у нее?

- Не знаю... Может, и бывал... Не помню.

- Вы ее видели в последнее время?

- Кого? Эвелину? Я ее каждый день вижу!

- А его?

- Не помню, - она повернулась к мужу:

- Когда мы последний раз видели этого господина?

- Не знаю. Не так давно.

- Случалось, что он оставался ночевать у нее? Консьержка улыбнулась.

Видимо, она сочла комиссара очень наивным человеком.

- А если даже и так?.. Ведь они оба совершеннолетние, разве нет?

- А не жил ли он у нее подольше... неделю, две?

- Иногда даже и месяц.

- А эта Эвелина сейчас дома?

- Наверняка.

- Как ее фамилия?

- Шнейдер. Эвелина Шнейдер.

- Она получает письма?

- О, почти нет. Очень редко.

- На каком этаже она живет?

- Я же говорила. На шестом.

- Налево или направо?

- Направо.

Мегрэ вышел на улицу, чтобы проверить, есть ли свет в окнах на шестом этаже. Свет горел.

Лифта в этом доме не было. Пришлось подниматься по лестнице. Дом казался спокойным и опрятным, лестницы содержались в чистоте. Перед дверями квартир лежали соломенные коврики. Тут и там виднелись таблички с фамилиями, металлические или эмалированные. На третьем этаже жил зубной врач, на четвертом - акушерка. Мегрэ останавливался на каждой площадке, опасаясь одышки. Из-за запertых дверей доносились звуки радиоприемников.

На шестом этаже они остановились перед дверью с правой стороны. Мегрэ долго колебался, прежде чем нажал на кнопку звонка. И отсюда также доносились звуки музыки, но спустя минуту кто-то выключил радио, послышались шаги, и в открытой двери на пороге показалась маленькая блондинка, одетая не в халат, а в свободную блузку и брюки, с тряпочкой, которой стирают, пыль, в руках. Она смотрела на них широко раскрытыми глазами.

Мегрэ и Фумель чувствовали себя не менее смущенными, чем она. В ее глазах сначала отразилось удивление, а через мгновение беспокойство.

Губы ее дрожали, когда она спросила:

- Вы принесли мне... печальную новость?

Жестом она пригласила их в комнату. Видимо, она занималась уборкой, поскольку пылесос еще рычал. Она выключила его и, проходя мимо, отодвинула ногой, чтобы он не заслонял дороги.

- Почему вы так думаете?

- Сама не знаю... Визит в такое время... И Оноре не приходит... Не знаю, что с ним случилось...

Она выглядела еще молодо, но было ей, пожалуй, за сорок. Кожа у нее была свежей, лицо округлое, черты его твердые.

- Господа... из полиции?

- Комиссар Мегрэ. А это инспектор Фумель.

- С Оноре несчастный случай?

- Я принес вам действительно печальное известие. Она не заплакала.

Напряженно ждала слов, которые, возможно, содержали какую-то надежду.

- Присядьте, пожалуйста. И снимите пальто, здесь очень тепло. Оноре любит, чтобы было очень тепло. Извините за беспорядок...

- Вы его любите?

Она закусила губу. Через минуту вместо ответа спросила:

- Ранен? - И сразу же потом, без паузы:

- Он умер?

Только тогда она начала плакать, сложив губы подковкой, как ребенок, не думая о том, что делается некрасивой. Одновременно она обхватила волосы обеими руками. Ее глаза блуждали по комнате, как бы в поисках угла, в котором она могла бы спрятаться.

- Я чувствовала, что это случится...

- Почему?

- Не знаю... Мы были так счастливы.

Комната, приятно обставленная солидной мебелью, с безделушками, не свидетельствующими, однако, о плохом вкусе, создавала атмосферу интимности. Сквозь открытые двери была видна ярко освещенная кухня, со столом, накрытым для завтрака.

- Извините... - прошептала она внезапно и открыла дверь в соседнюю комнату, полутемную спальню.

Она бросилась на кровать, скрыв лицо в подушке, чтобы иметь возможность выплакаться.

Мегрэ и Фумель молча глянули один на другого. Из них двоих Фумель был более взволнован, может быть, потому, что вообще имел слабость к женщинам, несмотря на хлопоты и огорчения, в которые они его вводили.

Через какое-то время - быстрее, чем можно было бы ожидать, - она встала, пошла в ванную, умыла лицо холодной водой и, когда вернулась в комнату, почти спокойная, шепнула:

- Извините...

Через минуту, уже овладев собой, она спросила:

- Что с ним произошло?

- Его нашли в Булонском лесу. Мертвого. Разве вы не читали в газете?

- Нет, я не читаю газет. Но он... В Булонском лесу? Что он там делал?

- Он был убит раньше в каком-то другом месте.

- Убит? Из-за чего?

Она старалась удержаться, чтобы снова не расплакаться.

- Вы давно были ... вместе?

- Несколько лет.

- Где вы познакомились?

- В таком маленьком кафе... здесь неподалеку.

- В... „Ла-Режанс“.

- Да. Я время от времени хожу туда. Увидела его, когда он сидел там в углу.

Разве это не свидетельствовало о том, что тогда Кюэнде планировал кражу в этом самом районе? Скорее всего. Просматривая списки краж, виновных в которых не удалось найти, наверняка можно было бы наткнуться на совершенную на улице Коленкур.

- И что было потом?

- Я уже не помню, как случилось, что у нас завязалась беседа. Он спросил меня, не немка ли я, я ответила, что из Эльзаса, родилась в Страсбурге.

На ее лице промелькнуло что-то вроде улыбки.

- Нас забавляло, что у нас обоих иностранный акцент, но у каждого свой.

Ее акцент был приятным для слуха, напевным. Жена Мегрэ тоже была из Эльзаса. И даже немного похожа - в молодые годы - на эту Эвелину: маленькая, пухленькая блондинка...

- Вы стали жить вместе?

Она вытерла платочком нос, уже порядком покрасневший. Но наверняка в эту минуту не думала о том, красиво ли она выглядит.

- Нет, он только приходил ко мне. Время от времени оставался на более долгий срок, на две-три недели, а потом говорил, что ему надо ехать. Я даже думала сначала, что у него где-нибудь в провинции есть жена и дети.

У некоторых мужчин есть такая привычка, приехав в Париж снимать с пальца обручальное кольцо. Видимо, в этих делах у нее был определенный опыт.

- И каким же образом вы удостоверились, что он не женат?

- Он не женат, правда?

- Правда.

- Я была в этом уверена. Прежде всего я заметила, какими глазами он смотрит на детей, которых встречал на улице. Видно было, что он жалеет, что у него нет своих. Может быть, он уже отказался от мысли иметь детей, но его все еще тянуло к отцовству. А во-вторых, когда он бывал здесь, когда жил вместе со мной, он вел себя иначе, чем ведут женатые мужчины.

Это трудно объяснить, но это чувствуется. Он был какой-то стыдливый... женатые мужчины иные. Первый раз, когда он ночевал у меня, он был очень смущен... а утром, когда проснулся в моей постели, не знал, что делать с собой.

- Он никогда не говорил вам, чем он занимается? О своей профессии?

- Нет.

- А вы его не спрашивали?

- Я старалась узнать, не задавая нескромных вопросов.

- Он говорил, куда уезжает?

- Говорил, что должен уехать. Только это. Ни куда, ни зачем. Раз я спросила, есть ли у него мать. Он ничего не ответил, только покраснел. Я догадалась, что он живет вместе с матерью. Во всяком случае, я знала, что у него кто-то есть, кто заботится о его белье, кто штопает ему носки - только делает это не очень старательно. На рубашке пуговицы у него были всегда пришиты криво, я не раз над этим смеялась...

- Когда вы видели его в последний раз?

- Несколько недель назад... Кажется, шесть... Минуточку... я вспомню дату.

Через минуту она спросила:

- А когда... когда это случилось?

- В пятницу. У него были при себе деньги?

- Он никогда не носил с собой много денег.

- А когда он приходил к вам на длительный срок - он приносил с собой чемодан?

- Нет. Если вы откроете шкаф, то увидите его халат, домашние туфли, а на полках рубашки, носки, пижаму...

Она указала на каминную полку, на которой Мегрэ заметил три трубки, в том числе одну пенковую. И здесь тоже была кафельная печка, как в квартире на улице Муфтар, и кресло рядом с печкой. Кресло Оноре Кюэнде...

- Извините за бестактность... Но я должен задать вам один вопрос.

- Я догадалась. Речь идет о деньгах?

- Да. Он вам их давал?

- Предлагал, но я не хотела брать. Зарабатываю столько, чтобы хватало мне на жизнь.

Поскольку он настаивал, я согласилась только на одно - видимо, ему было бы не по себе, если бы он ничего мне не давал, - чтобы он платил половину за квартиру. Зато он делал мне дорогие подарки... Это он купил мебель в эту комнату и устроил мне салон для клиенток... Вы можете сами посмотреть...

Она открыла еще одну дверь и показала им маленькую тесную комнатку, обставленную в стиле Людовика XVI, с большим количеством зеркал...

- Это он отремонтировал всю квартиру, покрасил кухню, сам оклеил обоями эту комнату и салон. Страшно любил все делать сам, мастерить...

- А что он вообще делал целый день?

- Отправлялся погулять здесь неподалеку, всегда по одним и тем же улицам нашего района, так делают те, кто выгуливает собак... Возвращался и сразу же усаживался в кресло и принимался за чтение. Множество книг лежит в шкафу, вы можете посмотреть...

- Какие книги он любил больше всего?

- О путешествиях.

- Вы куда-нибудь ездили вместе?

- Провели несколько дней в Дьеппе, два года назад. Еще до этого ездили отдыхать в Сабауди, и он показывал мне издали горы Швейцарии, говоря, что это его родная страна. А в самом начале мы ездили на экскурсию на автобусе из Парижа в Ниццу и на Лазурное побережье.

- Он был широким человеком?

- Все зависит от того, что вы называете широким человеком. Нет, скупым он не был, но не любил, когда его обманывали, обсчитывали. Счета в гостиницах и ресторанах всегда проверял.

- Еще один нескромный вопрос...

- Сколько мне лет?

- Да.

- Сорок четыре.

- Значит, вы приобрели определенный жизненный опыт. И вы никогда не раздумывали над тем, почему этот человек ведет двойную жизнь? Или почему он на вас не женится?

- Я знала иных мужчин, которые также не предлагали мне супружество.

- Мужчин... похожих на него?

- Нет, конечно, нет. - И через минуту добавила:

- Я сама не раз раздумывала над этим. Вначале, как я уже вам говорила, думала, что у него жена где-нибудь в провинции и он приезжает в Париж по делу через определенное время. Я не была бы на него в претензии, если бы так и оказалось на самом деле... Кто бы не хотел иметь второго дома, если бы знал, что кто-то его ждет с распростертыми объятиями... Он не любил гостиниц, я сразу это заметила, во время нашего первого совместного путешествия. Он был всегда такой чуткий, настороженный, как будто чего-то боялся...

(„Ага!.. значит, это так! - подумал Мегрэ. - Он все-таки боялся!“) - Позднее, когда я узнала его ближе и когда увидела его нестарательно заштопанные носки, догадалась, что он живет с матерью, только стыдится признаться. Много есть таких мужчин, которые не женятся из-за матери, никто бы и не подумал, что это действительная причина... Ему уже лет пятьдесят, а дрожит перед мамочкой, как маленький мальчик. Я думала, что с ним такая же история...

- Но ведь он должен был на что-то жить?.. Работать, чтобы иметь деньги.

- У него могли быть какие-то свои дела.

- Вы никогда не подозревали, чем он может заниматься...

- Чем?

Она спросила так естественно, что нельзя было допустить мысли, что она играет комедию.

- Что вы хотите этим сказать? Теперь я ко всему готова. Что он такого делал?

- Крал. Был вором, преступником.

- Он? Оноре? - Она нервно рассмеялась. - Вы шутите, правда? Это невозможно!

- К сожалению, возможно. Он крал всю жизнь, начиная с шестнадцати лет, когда был еще учеником слесаря и убежал из исправительного дома в Швейцарии, чтобы вступить в Иностранный легион.

- О том, что он служил в Иностранном легионе, он мне сказал, когда я увидела его татуировку.

- А о том, что сидел два года в тюрьме, он не сказал?

Она села, как если бы ноги у нее не выдержали и подогнулись, и слушала так, словно речь шла о ком-то ином, а не о ее любовнике, которого она так хорошо знала в течение стольких лет...

Время от времени она встряхивала головой с недоверием.

- Я сам, к вашему сведению, лично его арестовывал, а потом еще несколько раз допрашивал в своем кабинете. Да, это был преступник, но только не такой, как другие. На вид он вел нормальный, спокойный образ жизни. Не вращался в преступных кругах, у него не было сообщников. В течение какого-то времени он готовил преступление. Целыми неделями наблюдал за выбранным домом - кто и когда уходит и приходит... До самого момента, когда с полной уверенностью в себе прокрадывался, чтобы присвоить чужие деньги, чужие драгоценности.

- Нет, нет, не может быть! Я никогда этому не поверю!

- Я хорошо понимаю ваше удивление. В одном вопросе вы не ошиблись, отгадали точно: он на самом деле жил с матерью на улице Муфтар, там находились его вещи.

- А она знает?..

- Да.

- И раньше знала?

- Да.

- И разрешала ему? - Она была не столько возмущена, сколько удивлена.

- И поэтому его убили?

- Скорее всего.

- Полиция?

Она становилась недоверчивой, менее открытой и как бы более твердой.

- Нет.

- Может быть, те люди, которых... которых он пробовал обокрасть... убили его?

- Может быть. Вы послушайте. Не я веду следствие по этому делу, а судебный следователь Кажу. Именно он дал определенное задание инспектору Фумелю...

Инспектор Фумель слегка поклонился.

- Инспектор Фумель находится у вас официально, а я нет. Вы имели право не отвечать ни на его вопросы, ни на мои. Могли даже не впускать нас в квартиру. И если бы мы в таком положении попробовали произвести у вас обыск, то совершили бы нарушение закона, превышение власти. Вы меня понимаете?

Нет. Мегрэ чувствовал, что она не отдает себе отчета в важности этих слов.

- Я думаю, что...

- Говоря яснее: все то, что вы рассказали нам о Кюэнде, не будет отражено в официальном рапорте инспектора. Следует считаться с тем, что судебный следователь, когда из какого-либо источника узнает о вашем существовании, пришлет к вам инспектора, возможно, Фумеля, а может быть, кого-то иного, с определенными полномочиями.

- И что я тогда должна буду сделать?

- В таком случае вы можете потребовать присутствия адвоката.

- Зачем?

- Поскольку это ваше право. Вы лично не совершили никакого преступления. Но, может быть, Кюэнде оставил в вашей квартире, кроме своих книг и трубок, еще какие-нибудь вещи...

В ее голубых глазах появился блеск понимания. Наполовину про себя она буркнула:

- Чемодан...

Она прикусила язык, но было уже слишком поздно.

- Но ведь это совершенно нормально, - сказал Мегрэ, что ваш друг, живущий здесь с вами в течение долгого времени, несколько месяцев в году, доверил вам чемодан со своими личными вещами. Не менее нормально было бы, если бы он оставил вам ключик от чемодана с просьбой, например, чтобы вы в случае чего его открыли...

Мегрэ желал бы не иметь свидетелей при беседе. Фумель, как бы отгадав его намерения, отодвинулся немного в сторону и стоял с выражением лица человека, которого ничего на свете не интересует.

Но Эвелина протестующе покачала головой.

- У меня нет никакого ключа. Но...

- Не стоит об этом. Еще одно: такой человек, как Кюэнде, мог быть настолько предусмотрительным, чтобы оставить завещание, в котором были бы для вас определенные поручения... Например, он мог бы пожелать, чтобы вы занялись его матерью...

- Она, должно быть, уже немолода...

- Вы сами увидите... Одно только несомненно: в его жизни не было других женщин, кроме матери и вас...

- Вы так считаете?

Ей это польстило, несмотря на все, и довольная улыбка промелькнула на ее лице. Когда она улыбалась, на ее щеках появлялись две ямочки, как у молоденькой девушки.

- Не знаю, что и думать...

- Вы обо всем подумаете, и не раз, когда останетесь одна...

После короткой паузы она обратилась к нему:

- Скажите, господин комиссар... - она заколебалась и внезапно покраснела:

- Он никогда... никогда не убил никого?

- Со всей уверенностью могу сказать, что нет.

- Если бы вы сказали, что да, то я перестала бы вам верить.

- Добавлю еще кое-что. Кюэнде жил, что не подлежит сомнению, со своих краж.

- Но ведь он тратил так мало!

- Вот именно! Возможно, что ему нужно было только сознание, что он может иметь деньги в своем распоряжении, это давало ему чувство уверенности в себе. А может быть, тут роль играл какой-то еще иной мотив, и роль принципиальную...

- Какой мотив?

- Его психологической природы. Я вам уже говорил, что он мог неделями наблюдать за избранным домом...

- Каким образом?

- Целыми часами просиживал в разных кафе, занимая столик у окна или нанимал где-нибудь комнату, в гостинице напротив...

Она прервала, подхватив его мысль:

- Вы считаете, что и тогда, когда мы познакомились... в „Ла-Режанс“?

- Очень возможно. Но, что самое странное, он никогда не ждал того, чтобы в квартире никого не было. Наоборот, ждал, когда хозяин вернется домой...

- Как это можно объяснить?

- Психолог или психиатр ответил бы вам лучше, чем я... может быть, потому, что ему необходимы были сильные ощущения... игра с опасностью? Я не уверен. Он прокрадывался не

только в чужие квартиры, но и до определенной степени в жизнь их обитателей. Когда они спали в постелях, он почти касался спящих... Так, словно хотел бы украсть их интимность.

- Можно подумать, что вы его вовсе не обвиняете, не считаете, что это плохо.

Мегрэ улыбнулся в свою очередь, прежде чем ответить:

- Я стараюсь быть объективным и никого заранее ни в чем не обвинять.

Такова моя профессия. Вот, пожалуй, все. До свидания. Прошу запомнить то, что я вам сказал. Каждое слово. И обдумать все спокойно.

Он пожал Эвелине руку, к ее огромному удивлению, и Фумель взял пример с комиссара, только сделал это как-то более неловко, как будто чуточку смутившись.

Когда они оказались на лестнице, инспектор произнес с восхищением:

- Прекрасная женщина!

Не исключено, что он еще сюда вернется, и не только по официальному делу... Быть может, будет бывать в этих местах даже тогда, когда все уже забудут о деле Кюэнде... Неисправимый! У него и сейчас есть несносная любовница, которая делает все, чтобы усложнить ему жизнь, а он, как будто этого мало, вечно нарываясь на неприятности.

Снег шел так густо, что на тротуарах образовались сугробы.

- Что мне теперь делать, шеф?

- Тебе хочется спать? Нет? Ну тогда зайдем выпить чего-нибудь покрепче.

В „Ла-Режанс" теперь было уже почти тесно. Какой-то клиент, возможно, коммивояжер, переписывал из телефонной книги, составленной по профессиям, необходимые ему адреса.

- Ну и что? Вы нашли ее, господи?

- Да.

- Ничего себе бабенка, правда? Что вам подать?

- Мне грог.

- И мне тоже.

- Два грога? Уже несусь!

- Послушай, Фумель, как только выспишься, составь рапорт. Еще сегодня.

- Надо будет упоминать об улице Нев-Сен-Пьер?

- Конечно И о том доме Вильтона, напротив отеля „Лам-бер" Судебный следователь наверняка вызовет тебя к себе, чтобы ты сообщил ему подробности.

- Может быть, пошлет меня к мадемуазель Шнейдер, чтобы я произвел у нее обыск?

- А ты, надеюсь, не найдешь в том чемодане ничего, кроме одежды.

Фумель курил сигарету за сигаретой. Он был чем-то взволнован.

- Я слышал, что вы ей говорили, господин комиссар, и все понял - Его мать сказала мне: „Мой сын наверняка не оставит меня ни с чем".

- Она и мне так же сказала, слово в слово.

- Увидишь, судебный следователь Кажу не захочет слишком далеко забираться в это дело. Как только прозвучит фамилия Вильтон...

Мегрэ выпил свой грог, не торопясь, маленькими глотками, заплатил, и они вышли. Он решил взять такси.

- Хочешь, я тебя подвезу? Куда тебе ехать?

- Нет, спасибо. У меня отсюда удобный автобус. Может быть, Фумель, опасаясь, что эта аппетитная дамочка не все хорошо поняла, имел намерения вернуться к ней, чтобы объяснить все более подробно?

- Слушай, кусочек меха дикого кота не дает мне покоя... Попробуй, может быть, тебе удастся что-нибудь узнать еще...

Мегрэ направился к площади Константен-Пекер, на которой находилась стоянка такси.

VIII

На набережной Орфевр все были измотаны бессонной ночью - как инспектора, так и арестованные. Приведенные к утру свидетели, внезапно разбуженные, сердились и выходили из себя, ожидая в коридоре своей очереди.

Официант из пивной на улице Дофин принес кофе и булочки для работников следственного отдела.

Мегрэ вернулся к себе и, не раздеваясь, позвонил в отдел идентификации личности, попросив к телефону Моэrsa.

Руки всех четырех арестованных подверглись так называемому парафиновому контролю: если бы кто-нибудь из них в последние три-четыре дня пользовался огнестрельным оружием, под кожей ладони у него должны были остаться невидимые глазу частички пороха, даже если бы стрелявший надел перчатки.

- Результаты уже готовы?

- Минуту назад мне доставили их из лаборатории.

- Кто из четырех?

- Третий.

Мегрэ поискал в списке: под номером "три" фигурировала фамилия, которая была ему нужна. Третьим был Роже Стейб, чех, который в течение какого-то времени работал на той же фабрике на набережной Жавель, что и Жозеф Резон.

- Эти результаты надежны?

- Совершенно.

- А остальные?

- Ничего не найдено.

Роже Стейб, высокий блондин, держал себя предельно покорно. И теперь еще, засыпаемый вопросами, он сидел напротив инспектора Торранса и отвечал с удивительным безразличием или притворялся, что плохо понимает по-французски.

Именно он занимался "мокрой работой" в банде, он должен был обеспечивать отход нападавших всеми доступными способами.

Второй, Лубьер, приземистый, мускулистый, волосатый мужчина, хозяин гаража в Пюто. Женат, отец двоих детей, он был родом из Фекампа. Целая группа специалистов занималась обыском в гараже.

Обыск на квартире Рене Люссака, так же как и на вилле "прекрасной Розалии", не дал никаких результатов.

Среди задержанных Розалия вела себя особенно шумно. Мегрэ слышал ее крики, хотя она находилась довольно далеко, в кабинете инспектора Люка, который ее допрашивал.

Затем состоялась очная ставка.

Оба официанта из кафе на улице Лафайет были слишком потрясены, чтобы с полной уверенностью утверждать, что человек, которого они видят сейчас, именно тот, которого они видели тогда за столиком незадолго до нападения. Может, это был Фернан, а может быть, и нет.

- Теперь у вас в руках уже вся банда? - спросил один из официантов после очной ставки.

Ему отвечали, что да, наверняка банда задержана в полном составе, хотя это не совсем соответствовало действительности. Не хватало еще одного человека: не знали, кем был тот шофер, который удрал вместе с участниками нападения на улице Лафайет. Он был, конечно, первоклассным водителем, и сам не принимал участия в нападении, он исполнял важную роль, хотя второстепенную. И о нем - никаких сведений.

- Алло! Да, это я, господин прокурор... Нам уже известно, кто из них стрелял: его зовут Роже Стейб.

Мегрэ с трудом держался на ногах, несмотря на то что выпитый грог несколько подкрепил его: веки слипались у него оттого, что он не выспался. Он потянулся за бутылкой коньяка, которую держал в стенном шкафу на всякий случай, и не раздумывая, сделал из нее несколько больших глотков.

- Алло!.. Нет, больше ничего, господин судья.

Одновременно звонили оба стоявших у него на столе телефона.

Звонок был из Пюто.

- Мы нашли их, шеф.

- Все?

- Вплоть до последнего банкнота!

Газеты сообщили, что банк имеет номера всех банкнотов, ставших добычей бандитов. Это не соответствовало истине. Однако гангстеры поверили и побоялись пускать деньги в оборот. Они ждали подходящего случая. Быть может, им удастся истратить деньги где-нибудь в провинции или за границей. Фернан был слишком хитер для того, чтобы действовать торопливо и чтобы позволить своим людям попробовать счастья, когда следствие еще ведется.

- Где?

- Под обшивкой сиденья старого автомобиля. Мать Лубьера, женщина энергичная, видно, что голова у нее варит, не спускала с нас глаз...

- Как вы думаете, она знала?

- По-моему, да. Мы обыскали все автомобили, один за другим. В некоторых даже размонтировали двигатели. Ну и вот! Полный успех! Вся пачка у нас!

- Не забудьте попросить, чтобы мать Лубьера подписала протокол.

- Уже попросил, но она отказалась.

- В таком случае вызывай свидетелей.

- Вызвал.

Для комиссара Мегрэ дело о бандитском нападении на улице Лафайет уже закончено. Ему не надо было выслушивать свидетелей или устраивать очередные очные ставки. Довольно было и того, что он уже имел!

Теперь каждый из инспекторов сдаст ему свои рапорты, и он на их основании составит общий обширный отчет. Он поднял телефонную трубку, а когда раздался голос телефонистки коммутатора полиции, попросил:

- Соедините меня с прокурором Дюпон Д'Астье. Секунду спустя он говорил:

- Похищенные банкноты найдены.

- Вместе с чемоданчиком?

Не слишком ли много от него хотят? Может быть, нужна, еще визитная карточка?

- Чемоданчик наверняка плывет где-нибудь по Сене или сожжен.

- У кого вы нашли деньги?

- У хозяина гаража.

- Что он сказал?

- Пока ничего. Ему еще не сообщили.

- Необходимо, чтобы при беседе с ним присутствовал его адвокат. Мне не хотелось бы иметь потом опровержения или неожиданности на судебном заседании.

Когда наконец коридоры следственного отдела опустеют, четверо задержанных вместе с "прекрасной Розалией" будут отведены в полицейские камеры. Там их разденут донага - женщину, конечно, в отдельном помещении - для проведения антропометрических измерений. По крайней мере у двоих из них уже имелся опыт подобных операций.

Сейчас их поместили в общей камере на первом этаже, а утром, перед тем как перевезти в тюрьму Сайте, их допросит судебный следователь.

Дело будет слушаться не раньше, чем через несколько месяцев, а за это время появятся новые шайки подобного типа и тоже начнут действовать...

Но все это будет касаться кого-то иного, а не комиссара Мегрэ.

Мегрэ вошел в комнату, в которой инспектор Люка допрашивал Розалию.

Она стояла в воинственной позе, руки в боки, а Люка терпеливо выстукивал двумя пальцами на машинке то, что она выкрикивала:

- Вы, сукины дети!.. Довольны, да? То, что Фернан на свободе, не давало вам покоя, вы старались все сделать, чтобы снова его посадить, да? И не стыдно вам цепляться к женщине, к которой вы приходили - вы уже не помните зачем, да? А разве вы не были довольны, когда я шепнула вам в постели кое-что?..

Только она одна, неутомимая, только она не утратила энергии и не была сонной... после бессонной ночи!

- Вы специально, чтобы унижить, отдали меня в руки такому тощему карлику, самому маленькому из всех вас... Да такого, как он, я бы одним пальцем...

Мегрэ искоса взглянул на Люка, после чего заявил:

- Пойду прилягу на часок-другой. Мне необходимо отдохнуть. А деньги нашли.

- Что-о-о? - вскрикнула Розалия.

- Не оставляй ее одну Люка. Позови кого-нибудь, чтобы составить ей компанию, можно высокого, если ей так хочется. Помести ее в моем кабинете.

- Будет исполнено, шеф!

Мегрэ вышел. Двор был заполнен полицейскими автомобилями. Со вчерашнего дня они находились в полной готовности.

Домой его отвезла полицейская машина.

- Ты, наверное, ляжешь? - спросила жена, расстилая ему постель. - Во сколько тебя разбудить?

- В половине первого.

- Так рано? Поспи лучше пару часов! Приготовить тебе ванну?

Он чувствовал себя слишком усталым и хотел лечь как можно быстрее.

Едва он успел задремать, как раздался телефонный звонок. Мегрэ протянул руку к аппарату.

- Алло! - буркнул он сердито. - Слушаю!

- Говорит Фумель, господин комиссар.

- Извини, что я таким тоном ответил. Как раз засыпал. Откуда ты звонишь?

- С улицы Марбеф.

- Слушаю.

- У меня новости. О мехе.

- Нашел?

- Нет. И сомневаюсь, что когда-либо вообще найду. Но такая меховая полость существовала. Хозяин бензоколонки на улице Марбеф говорит, что видел нечто подобное. Утверждает, что не далее как неделю назад.

- Как случилось, что он это запомнил?

- Поскольку редко когда можно увидеть полость для ног, в особенности меховую, в спортивном автомобиле...

- Когда это было, в какой день?

- Он не знает точно, но утверждает, что недавно. Дня два-три назад.

Когда Вильтон-младший брал у него бензин, он полость уже не видел.

- Напиши рапорт - Это будет иметь какое-нибудь значение, господин комиссар?

- Никакого! - буркнул Мегрэ.

Ему хотелось спать, не было желания продолжать беседу. И в глубине души он сознавал, что далее если полость найдут, это не будет иметь никакого значения...

Он положил трубку.

Мегрэ представил себе кислую мину судебного следователя, если бы пришел к нему доложить, что узнал.

„Оноре Кюэнде в ночь с пятницы на субботу около ноля часов прокрался в дом Флоренс Вильтон, девичья фамилия Ленуар, на улице Нев-Сен-Пьер...”

„Откуда вы это знаете?”

„Поскольку он в течение пяти недель наблюдал за этим домом из окна своей комнаты в отеле „Ламбер”

„Это означает, что на основе информации, будто какой-то человек снимает комнату в отеле с подозрительной репутацией, вы делаете такие выводы...”

„Это не просто жилец, он нам известен. Оноре Кюэнде, который в течение почти тридцати лет...”

И тогда он рассказал бы судебному следователю о странных привычках и методах Кюэнде.

„Вы задержали его на месте преступления?”

Мегрэ пришлось бы признаться, что этого ему никогда не удавалось.

„У него были ключи от дверей того дома?”

„Нет.”

„Был ли он в сговоре с кем-нибудь, кто там работал?”

„Маловероятно.”

„А мадам Вильтон находилась тогда дома?”

„Да.”

„А прислуга?” „Тоже.” „Так значит?..”

„Кюэнде никогда не входил в дом, в котором никого не было.”

„Вы допускаете, что та женщина...”

„Не она.”

„А кто?”

„Ее любовник.”

„Откуда вы знаете, что у нее есть любовник?”

„Мне сказала Ольга, которая живет в том отеле, напротив дома Вильтонов.”

„Кто она, эта Ольга?"

„Проститутка."

„Она видела их вместе в постели?"

„Нет."

„А что?"

„Видела его автомобиль."

„А кто он, ее любовник?"

„Вильтон."

„Вильтон?! Ее бывший муж?"

„Нет. Его сын."

Фигуры становились все туманнее и все более хаотично двигались.

Мегрэ казалось, что он видит, как судебный следователь издевательски улыбается, что было не в его характере.

„Какие-то инсинуации... Дама и ее пасынок..."

„В свое время отец и невестка..."

„Что это значит?"

И Мегрэ рассказал бы то, что знал о Лиде, красивой манекенщице, которая вышла замуж за сына, а стала любовницей отца.

Разве такие вещи были возможны? Разве такой человек, как судебный следователь, серьезный, солидный и уравновешенный, поверит, что...

„Думаю, что у вас есть и другие доказательства."

„Да, господин следователь..."

По-видимому, он хорошо уснул, если ему снилось, что он вынимает из кармана маленькую коробочку, в которой находятся два едва различимых волоска.

„Что это? Что это означает?"

„Волоски, господин следователь..."

Да, это наверняка сон, поскольку судебный следователь продолжал выпытывать:

„Волоски? Откуда?"

„Из шерсти."

„Какой шерсти?"

"Дикого кота."

„Дикого кота? Какого кота? Дикого? Откуда там взялся дикий кот?"

„Не кот, а меховая полость... Плед для ног из меха дикого кота."

„И что вы еще скажете?"

„Допускаю, что Кюэнде первый раз в жизни, несмотря на многолетний опыт, на что-то наткнулся или что-то перевернул, произвел шум... А те проснулись потревоженные."

„Но ведь они могли вызвать полицию!"

„В том-то и дело, что не могли. В их положении?!"

Снова мысли у него начали путаться. Ну да: Стюарт Вильтон узнал бы обо всем, а у Стюарта Вильтона есть деньги, много денег...

Ни Флоренс, ни ее любовник не знали человека, который вторгся в их спальню. Человек, который их застал на месте преступления, был бы опасным свидетелем. Они не могли этого допустить. И должны были его ликвидировать.

Они на всякий случай так изуродовали ему лицо, чтобы его нельзя было опознать. Наверняка было много крови. Надо было смыть следы. А потом - в багажник...

А в багажнике лежала меховая полость...

„Вы теперь все понимаете, господин судебный следователь?"

И подсовывает ему под нос футлярчик с волосками.

„Кто вам сказал, что они из меха дикого кота?"

„Эксперт."

„А на судебном заседании будет смеяться и скажет, что это шерсть какого-то совершенно другого зверя..."

Судебный следователь будет прав. Именно так все и произойдет. Над ним только посмеются... Он окажется в смешном положении...

Адвокат, размахивая широкими рукавами своей тоги, скажет:

„Давайте на минуту подумаем серьезно, господа присяжные заседатели..."

Разве это доказательство для поддержки обвинения? Два волоска?.."

Все это может произойти и совершенно по-иному, конечно.

Мегрэ может, например, пойти один к госпоже Флоренс Вильтон. Может окружить ее огненным кольцом вопросов, может перевернуть ее квартиру вверх дном, может допросить прислугу...

Может пригласить в свой кабинет Вильтона-младшего и побеседовать с ним с глазу на глаз.

Может?.. Э, не совсем! Это не соответствовало бы предписаниям... Ведь не он ведет следствие по делу Кюэнде!

„Ну, вы и сами видите, Мегрэ. Лучше оставить в покое фантазии..."

Возьмите себе на память эти волоски из шерсти дикого кота..."

Верно, лучше оставить это дело в покое. Его и так замяли. Какое имеет значение вещественное доказательство? Никакого - именно так, как он сказал Фумелю.

Фумель... бедняга! Вечно впутанный в какие-то сердечные истории...

Вечно несчастно влюбленный... Может быть, ему удастся успокоить Эвелину?

Может быть, она даст ему наконец немного счастья?

Да, старая Жюстина с улицы Муфтар знала, что говорила:

„Я знаю моего сына... Уверена, что он не оставит меня без средств к существованию..."

Сколько денег могло быть в?..

Мы этого никогда не узнаем.

Мегрэ крепко спал.

<http://book.zehinli.info>